

Глеб Брук
АЛЫЙ ЛОТОС

18+

Глеб Брук
Алый Лотос

«Автор»

2026

Брук Г.

Алый Лотос / Г. Брук — «Автор», 2026

Он — следователь, который привык искать логику там, где правит хаос. Она — тень в алом платье, чья игра стирает грань между мстью и искусством. Ленинград, 1991 год. Империя рушится, и на её обломках просыпается древнее зло, замаскированное под советские научные протоколы. Капитан юстиции Михаил Кошкин получает дело о череде «несчастных случаев», которые слишком идеальны, чтобы быть случайностью. Она оставляет на месте каждой своей «работы» не улики, а поэтические загадки, аудиокассеты и алый отпечаток губ. Она называет себя «Девушкой в красном». Её цель — не просто убить. Её миссия — собрать пазл из чужих жизней, чтобы выжечь правду о проекте «Смертоносец». На кону — не только карьера Кошкина. Игра, где ставка — его прошлое, его кровь и призрак маленького мальчика, чья колыбель качается над бездной. Узнайте, как пять факелов у костра осветят тайну отца и разрушат судьбу сына.

© Брук Г., 2026

© Автор, 2026

Глеб Брук

АЛЫЙ ЛОТОС

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ТОМ 1. 7

АЛОЕ ЯВЛЕНИЕ 7

Глава 1: Северная тьма 8

Глава 2: Призрачная Дама 21

Глава 3: Улика, которой нет 33

Глава 5: Невидимый гость... 58

ТОМ 2. 72

АЛЫЙ ПРИЗРАК ЧАСТЬ 1 72

Глава 6: Ключ без замка 73

Глава 7: Нежданная ниточка 92

Глава 8: И вспыхнут пять факелов. Часть 1: Огненный шторм 111

Глава 9: И вспыхнут пять факелов. Часть 2: Кислотные слёзы 130

Глава 10: И вспыхнут пять факелов. Часть 3: Поцелуй льда 149

ТОМ 3. 168

АЛЫЙ ПРИЗРАК. 168

ЧАСТЬ 2 168

Глава 11: И вспыхнут пять факелов. Часть 4: Когда время вышло 169

Глава 12: И вспыхнут пять факелов. Часть 5: Ликвидация 180

День первый. Знакомство. 186

День второй. Кандальный звон. 187

День третий. Свинцовые сумерки. 188

День четвёртый. Дар. 189

День пятый. Пешка. 190

Глава 13: И вспыхнут пять факелов. Часть 6: И спадут оковы лжи 192

Глава 14: Приглашение к началу конца. Часть 1 203

Глава 15: Приглашение к началу конца. Часть 2 213

ТОМ 4. 225

ГЛАВНЫЙ АКТ. ЧАСТЬ 1 225

- Глава 16: Тёмные тайны профессора Смирнова 226
Глава 17: В объятиях дьявола часть 1: эпицентр СМЕРТИ 243
Глава 18: В объятиях дьявола. Часть 2: Тайна Евгения Онегина и Пушкина 261
Глава 19: В объятиях дьявола. Часть 3: Ловушка Голосом 278
Глава 20: В объятиях дьявола. Часть 4: Красота смертельная 297

ТОМ 5. 315

ГЛАВНЫЙ АКТ. ЧАСТЬ 2 315

- Глава 21: Последний раунд часть 1: Последствия падения империи 316
Глава 22: Последний раунд. Часть 2: Сюрпризы от покойника 327
Глава 23: Последний раунд. Часть 3: Алая могила тайн 338
Глава 24: Финал. Часть 1: И да соберется пазл тайн 349
Глава 25: Финал. Часть 2: И да откроется тайна Михаила 360

ПОСЛЕСЛОВИЕ 371

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никогда мне забыть то ощущение, когда стало ясно, словно солнечный рассвет, как создать эту историю. И мне, перед началом написания истории, нужно было решить одну единственную проблему: какова причина действиям «Девушки в красном»? И ответ сам собой нарисовался — нет сильнее эмоции, чем эмоции девушки, которую предали и бросили на съедение мира.

Именно так, из желания создать персонажа, который мстит за своё падение, на свет и появился персонаж «Девушки в красном» — Вороненко Елены Константиновны. Но прежде чем рассказывать о ней, я должен объяснить этот цвет. Красный — это не просто эпатаж, и не попытка выделиться. Причина, по которой она одета во всё красное, кроется в её прошлом, что въелась в неё также прочно, как краска въедается в ткань. Она пала жертвой насилия, и это сделало из неё «падшую женщину» в глазах общества, города, да и в собственных глазах. Красный — стал цветом её боли, её гнева и её проклятия. Так продолжалось до тех пор, пока она не встретила с тем, кто помог ей ненадолго почувствовать себя нужной кому-то, побуждал её сердце биться ровнее, но, увы, не смог удержать её над пропастью.

Однако жизнь Елены вскоре обрела новый, неожиданный смысл, пришедший уже после смерти отца. В конверте, вскрытом ею в пустой квартире, пахнувшей пылью и утратой, лежало письмо. Отец, словно чувствуя свой уход, решил исповедаться перед ней на бумаге. Он писал о том, что задолго до встречи с её матерью, в его молодые и буйные годы, у него была связь с девушкой-паспортисткой по имени Виктория Кошкина. Это был короткий, но яркий роман, плодом которого, как оказалось, стал сын. Виктория родила мальчика Михаила, и этот мальчик приходится Елене старшим братом.

Он старше её на два года, родная кровь, о существовании которой она и не подозревала. Эта новость стала для неё шоком, пробившим брешь в стене отчаяния. У неё есть брат. Она не одна.

Но вскоре она поняла, что есть и другая, трагическая новость. Результатом её падения, той страшной ночи на складе, стала беременность. Жизнь, зародившаяся в грязи и насилии, пульсировала внутри неё. И вот тут судьба совершила занятный разворот. Думая о нерождённом ребёнке, раздавленная горем, но цепляющаяся за единственную светлую ниточку — мысль о найденном брате, она приняла решение. Если ей суждено родить, если этот ребенок останется с ней, она даст ему имя, которое станет символом её надежды на искупление.

Именно так, 5 мая 1984 года, на свет появился Михаил Вороненко. Она назвала сына в честь брата, которого никогда не видела, в честь той крови, которая, возможно, не даст ей утонуть в этом мире окончательно.

Но для меня, как для автора этого романа, рождение Михаила было лишь половиной работы, лишь точкой отсчёта. Перед тем, как садиться за рукопись; перед тем, как снова погружаться в этот мрачный и вязкий сюжет, мне предстояло решить последнюю, самую важную задачку. Мне нужно было найти ответы на три вопроса, которые встали передо мной как каменные глыбы:

Во-первых, какова истинная причина мести «Девушки в красном»? Мечь мужчине — это понятно, но масштаб происходящего в романе перерастал личную драму.

Во-вторых, кто тот персонаж, который знал секрет происхождения Кошкина, знал тайну его рождения от Виктории, но не успел, не смог или не захотел рассказать ему правду при жизни?

И в-третьих, где произойдет финальная встреча, та самая развязка, которая поставит точку в этой истории?

С персонажем я определился быстро. Волков Андрей — старый знакомый, проницательный, себе на уме, вечно ошивающийся в полукриминальных кругах, — идеальный кандидат на роль того, кто владеет информацией, но держит язык за зубами до самого последнего момента. Он мог знать Викторию Кошкину, мог помнить те времена, но, как это часто бывает, смерть помешала ему открыть рот вовремя.

Место финала — тоже не вызывало сомнений. Кольцо должно было замкнуться там, где всё началось. Склад. Тот самый проклятый склад на окраине, стены которого помнили крики Елены, где было совершено насилие, послужившее причиной её падения. Именно там, где воздух до сих пор спёртый от старой боли, и именно там должен был состояться последний акт драмы.

А вот причина мести вырисовалась сама собой, стоило лишь снова прокрутить в голове ночь её падения. Мечь за изнасилование. Это стало её путеводной звездой, её единственной целью. Ибо для девушки, пережившей такое, нет и не может быть большей причины для столь масштабной и беспощадной мести. Она мстила не только конкретным насильникам. Она мстила городу, который после случившегося отвернулся от неё, плюнул ей вслед, растоптал репутацию и вышвырнул на обочину жизни. Городу, который предпочёл не замечать преступление, а заклеить жертву. И в этом её трагедия и её ярость, безграничная и безмерная.

ТОМ 1.

АЛОЕ ЯВЛЕНИЕ

Глава 1: Северная тьма

СССР, Ленинград, март 1991 года. Положение страны неважное, поскольку совсем недавно прошёл референдум за сохранение страны, где 76% голосовавших высказались «ДА», но Литва, Эстония, Латвия, Грузия, Молдавия и Армения — отказались от его проведения.

Это вызвало сильное огорчение, и даже обидно было гражданам СССР, что 6 союзных республик отказались проводить этот референдум, чем очень сильно расстраивал граждан

остального Союза. Но события, произошедшие далее, будут темнее ночи и вынудят рассуждать, кому можно верить, а кому — нет. Но не будем торопить события. А пока — продолжим.

Горбачёв понимал, что ему на референдуме удалось сохранить страну, но также к нему пришло понимание, что стране недолго осталось жить.

А в Ленинграде, в мрачном здании местной прокуратуры, царил напряжённая атмосфера. На дворе 20 марта, и готовилась операция по задержанию Андрея Семёновича Форина. Не последнего человека в преступном синдикате, занимавшимся нелегальными поставками наркотиков в СССР. Форин был теневым воротилой, сколотившим состояние на чужом горе. Его влияние простиралось далеко за пределы криминального мира, обрстая связями в структурах власти, что делало его поимку непростой задачей.

В прокуренном кабинете начальника отдела по борьбе с организованной преступностью, полковника Семёна Семёновича Завьялова, царил напряжённый полумрак. Солнечный свет, пробиваясь сквозь задёрнутые шторы, охватывал клубы табачного дыма от «Примы», которую нервно курил Волков. Его пронизательные глаза, казалось, видели насквозь. Мужчина крепкого телосложения и с решительным выражением лица, бросал короткие, обрывистые фразы своим подчинённым. Карты, схемы, фотографии — всё это служило декорациями к предстоящей операции, которая должна была положить конец преступной империи Форина.

— Всё готово? Информация подтверждена? Без осечек, господа. Форин должен быть взят, — прозвучал его низкий, хриплый голос. Его помощник, капитан Кошкин Михаил Сергеевич, молодой, но уже опытный оперативник, кивнул. Его лицо выражало спокойную уверенность.

— Всё продумано, товарищ майор. Засада у его дачи, группа захвата на месте. Свидетели готовы дать показания. Всё под контролем.

Белов, молодой оперативник, с тревогой смотрел на карту, где красным крестом была отмечена роскошная дача Форина, затерявшаяся в живописных окрестностях Ленинграда. Дом, окружённый высоким забором, казался неприступной крепостью, скрывающей в себе богатство и тень криминального мира. Именно сюда, в этот оплот, предстояло ворваться команде Волкова. Они знали, что Форин, матёрый волк преступного мира, не сдастся без боя.

Операция началась с первыми лучами солнца. Раннее утро, окутавшее окрестности лёгким туманом, придавало происходящему таинственность и драматизм. Группа захвата, тщательно экипированная и готовая к любому повороту событий, бесшумно окружила дачу. Каждый шаг был выверен, каждое движение отточено. Внутри царил тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов и нервным дыханием милиционеров.

Волков, находясь в штабе, непрерывно координировал операцию по рации, его голос, несмотря на спокойствие, выдавал напряжение.

— Контакт! Группа захвата, доложите обстановку! — короткие команды, чёткие указания. В эфире тишина, а затем:

— Вскрываем!

Дверь дачи, казавшаяся несокрушимой, с треском поддалась напору. Началась стремительная схватка.

Форин, предчувствуя неладное, оказался готов к обороне. Его люди, хорошо обученные и вооружённые, встретили милиционеров шквальным огнём. Раздались выстрелы, крики и лязг металла. Бой разгорелся с невиданной яростью.

— Огонь на подавление! Прикрытие! — раздавались команды Волкова по рации, его голос был стальным.

Капитан Кошкин, руководивший штурмом на месте, умело маневрировал бойцами, направляя их действия. Оперативники, рискуя жизнью, пробивались сквозь шквальный огонь,

шаг за шагом приближаясь к цели. В ходе перестрелки были ранены несколько сотрудников, но они продолжали бой, верные своему долгу.

Вскоре бой переместился вглубь особняка. Милиционеры, сдерживая натиск, медленно, но верно, продвигались вперёд. В одной из комнат они обнаружили Форина. Он стоял у окна, в его руках был пистолет, и он, казалось, был готов стрелять до последнего патрона.

Кошкин, подкравшись незаметно, попытался уговорить Форина сдаться, но тот лишь усмехнулся:

— Не будет этого! — прорычал Форин и выстрелил.

Пуля просвистела мимо Кошкина, но тот мгновенно среагировал и выстрелил в ответ. Форин упал, раненый, но живой.

Через несколько минут доложили о завершении захвата. Форин был задержан. Он, казалось, уже осознал своё поражение, но его глаза всё ещё горели злобой и ненавистью. Когда оперативники приступили к осмотру особняка, их ждал шокирующий сюрприз. Помимо Форина, в даче обнаружили гораздо больше, чем ожидали. Сотни килограммов наркотиков, огромные суммы денег, оружие и компромат на высокопоставленных чиновников. Но, самое главное — секретные документы, содержащие информацию о тайных связях и операциях КГБ. Всё указывало на то, что Форин был не просто криминальным авторитетом, а звеном в гораздо более масштабной игре.

Кошкин, рассматривая изъятые документы, понял, что они раскрывают гораздо более глубокую и широкую сеть коррупции и предательства. В деле замешаны высокие чины, готовые пойти на всё, ради сохранения собственной власти и личной выгоды. Операция по захвату Форина стала лишь верхушкой айсберга, открывшей дорогу к раскрытию заговора, который мог потрясти основы советской власти.

Полиция и спецназ Ленинграда оперативно скрутили Форина А. С. и под конвоем доставили в участок. Началось расследование. Дело Форина стало отправной точкой, а Кошкин и его команда оказались втянутыми в сложную и опасную игру, где ставки были высоки, а враг — коварен и могуществен.

Во время этого конвоя они встретили Завьялова, старого знакомого Кошкина и Волкова. Завьялов, увидев Форина в наручниках, расплылся в ухмылке:

— Ну и где твои угрозы, Форин? Где твоя неприкосновенность? — процедил он сквозь зубы.

Кошкин знал, что Завьялов, человек со стальными нервами, всегда был преданным слугой закона. Его усмешка говорила о том, что дело Форина — это большая победа, победа над коррупцией и предательством, которые разъедали советское общество изнутри.

В участке, пока сержанты вели Форина на допрос, Кошкин и Волков продолжили изучать документы. Они обнаружили счета в зарубежных банках, связи с теневыми организациями и переписку, из которой следовало, что Форин был всего лишь пешкой в гораздо более масштабном заговоре. Кошкин сжал кулаки. Ставки росли. Враг был хитёр и влиятелен, он прикрывался высокими должностями и связями. Но Кошкин был полон решимости довести дело до конца.

Расследование зашло в тупик, когда Кошкину и Волкову удалось собрать небольшое количество улик, доказывающих причастность Форина к крупной организации, торгующей запрещёнными веществами, Форин при допросе всё отрицал.

Кошкин, невозмутимо глядя в глаза Форина, начал допрос:

— Андрей Семёнович, в ваших интересах рассказать нам структуру провоза и распространения запрещённых веществ по стране, — начал он. — А также у вас на квартире, при задержании и последующем обыске, и вот, кстати, ордер на обыск вашей квартиры. Так вот, при обыске мы обнаружили примерно 600 пачек запрещённых веществ и пачки денег с общей

суммой в 2.000.000 рублей. Как вы можете это прокомментировать, гражданин Форин? — закончил Волков, его голос звучал твёрдо.

Лицо Форина оставалось спокойным. И вскоре Форин продолжал сидеть, не проронив ни слова. Кошкин нарушил тишину:

— Андрей Семёнович, мы располагаем неопровержимыми доказательствами вашей причастности к этой организации. Ваше молчание только усугубит текущее положение. Не лучше ли вам рассказать правду?

Взгляд Форина метнулся по комнате, словно пытаясь найти выход, но его спокойствие начало трескаться, как старая штукатурка. Страх, холодный и липкий, охватил его.

Он замялся, его губы дрожали. Форин понимал, что больше нет смысла отрицать очевидное. Он был загнан в угол, и его гордость не могла справиться с давлением улики. Постепенно, его сломил страх, и он начал рассказывать. Его голос, тихий и хриплый, заполнил комнату.

Форин поведал о своих связях, о запутанных схемах, о людях, которые стояли за всей этой преступной деятельностью. Он рассказал о коррупции, отмывании денег, контрабанде и убийствах. Он раскрыл имена, пароли, адреса. С каждым словом он становился всё более подавленным, но, в то же время, испытывал какое-то облегчение, словно с его плеч упал тяжёлый груз.

Показания Форина стали ключом к раскрытию всего заговора. Кошкин и Волков, словно опытные охотники, бросились в погоню, используя полученную информацию. Они вышли на след главарей преступной сети, выслеживая их, как диких зверей. После кропотливой работы они начали аресты, один за другим. Были раскрыты банковские счета, изъято оружие, обнаружены тайные склады. Вскоре волна арестов прокатилась по всему городу.

Арестованных было много: чиновники, бизнесмены, криминальные авторитеты. Каждый из них был связан с организацией, чьи корни уходили глубоко в тень. Суды выносили приговоры. Одни получили длительные сроки тюремного заключения, другие — были приговорены к смертной казни. Преступная сеть была разрушена, а её щупальца обрублены.

Но Кошкину и Волкову всё никак не удавалось найти и поймать босса всей этой системы, таинственного и неуловимого человека, которого все в этой системе торговли называли «Мистер Смерть». Это имя, словно проклятие, преследовало их. Допросы всех арестованных членов не приближали их к этому «Мистеру Смерть», а только отдаляли, будто его и вовсе не существует. О нём ходили легенды, но никто не знал, как он выглядит, где живёт. Он был призраком, тенью, неуловимым правителем преступного мира.

Однажды, после очередной неудачной операции, Кошкин сидел в своём кабинете, уставившись в стену. Взгляд его был утомлён, лицо осунулось. Он чувствовал усталость, разочарование, но не собирался сдаваться. В голове крутилось одно и то же: «Где же ты, Мистер Смерть?». Он знал, что рано или поздно им удастся раскрыть эту тайну. Волков, как всегда, стоял рядом, его взгляд был сосредоточен. Высокий, жилистый, с холодными глазами, он был полной противоположностью Кошкина, более эмоционального и порывистого.

— Мы обязательно найдём его, Миш. Мы обязаны поймать и посадить эту мразь, — тихо сказал Волков. Его голос был ровным и спокойным, как всегда. Он говорил так, словно это была не просто работа, а личное дело чести.

Кошкин кивнул, зная, что они не сдадутся. Борьба с тенью, в городе и внутри себя, после потери жены, продолжалась. Они сидели в кабинете, пытаясь понять мотивы, найти хоть какую-нибудь зацепку, что выведет их на «Мистера Смерть», но все их силы были напрасны.

— Чёрт возьми! Мы бьёмся как рыба об лёд! — Кошкин с силой ударил кулаком по столу. Он был в отчаянии. Каждый новый день начинался с надежды — и заканчивался разочарованием. Все улики, все ниточки обрывались, не успев привести их к цели.

И тут Андрей Волков предложил Михаилу Кошкину закончить на сегодня тут работу, и пойти прогуляться до пивного подвала, пропустить по стакану пива. Кошкин вздохнул и согласился. Может быть, в непринуждённой обстановке, в прокуренном воздухе пьянящего дурмана, им удастся найти решение. Они вышли из здания прокуратуры и направились в сторону пивнухи.

В этот вечер оба следователя были измотаны. Дело о хищении на местном мясокомбинате тянулось уже несколько месяцев, выматывая нервы и не принося ощутимых результатов. Волков, устав от бумажной волокиты, предложил Кошкину расслабиться.

— Михаил, к чёрту всё! Пойдём, пропустим по кружечке, развеемся, — предложил Волков, пытаясь вернуть себе хоть каплю прежнего энтузиазма.

Кошкин, поколебавшись всего мгновение, кивнул. Он тоже нуждался в передышке, в глотке свежего воздуха, в отвлечении от бесконечной череды допросов и улик, которые вели в никуда. Они выбрались из здания прокуратуры, мрачного свидетеля советской эпохи, и направились по обшарпанной улице, освещённой тусклым светом редких фонарей.

Ленинград, город, пропитанный историей и холодом, встретил их объятиями ночи. Фонари тускло освещали тротуар, отражаясь в грязных лужах, оставшихся от тающего снега. Под ногами хлюпала талая вода, смешанная с песком и прошлогодней листвой, напоминающая о неизбежности перемен, которые неумолимо надвигались на страну. Ветер пронизывал насквозь, заставляя кутаться в плащи. Они шли мимо обветшалых домов, выцветающих вывесок и людей, спешащих по своим делам, лица которых отражали тревогу и неопределённость.

Их путь лежал к пивному подвалу, давно облюбованному местными жителями. Этот подвал, с его низкими потолками и стойким запахом солода и табака, был оазисом для усталых душ, местом, где можно было ненадолго забыть о тяготах жизни. Стены из грубого камня хранили вековую прохладу, а тусклый свет, пробивающийся сквозь маленькие окна, создавал атмосферу таинства и уюта. Здесь, в самом сердце светлого города, царил свой собственный, неспешный ритм, где время будто замедляло свой ход.

Войдя внутрь, они окунулись в густой дым и шум голосов. Звуки смеха, негромкой музыки и звона кружек сливались в единый гул, создавая неповторимую атмосферу. За стойкой, заваленной кружками, стоял знакомый им бармен — дядя Вася, человек с добрым сердцем и внушительными знаниями о жизни. Его лицо, изрезанное морщинами, рассказывало о множестве пережитых историй, а глаза светились умом и сочувствием. Он сразу же узнал их и, кивнув в знак приветствия, начал разливать им пиво. Мастерство дяди Васи было легендарным — он безошибочно определял предпочтения каждого посетителя, наливая пиво в точности таким, как они любят.

Волков и Кошкин устроились за столиком в углу, вдали от шума. Волков, высокий и жилистый мужчина с пронизательным взглядом, был опытным следователем, повидавшим немало дел. Его напарник, Кошкин, казался более молодым и эмоциональным, но его аналитический ум и преданность делу были неоспоримы. Они молча осушили по кружке, наслаждаясь прохладой напитка. Пиво, сваренное по старинным рецептам, приятно освежало, смывая с них усталость после долгого рабочего дня.

— Ну что, Михаил, расскажешь, что нарыл? — спросил Волков, нарушая молчание. Его голос звучал ровно, но в нём чувствовалась скрытая напряжённость.

Кошкин вздохнул, поморщившись.

— Ничего нового. Свидетели путаются в показаниях, улики противоречивы. Всё указывает на то, что виновны все и никто конкретно, — он провёл рукой по лицу, стирая следы усталости.

Дело, над которым они работали, было сложным и запутанным, как клубок ниток, который никак не удавалось распутать.

Волков покачал головой.

— Знакомо... Будто окунулся в болото: чем больше барахтаешься, тем глубже увязает, — он отпил ещё пива, размышляя о сложившейся ситуации. Дело касалось хищения крупных сумм из городского бюджета, и подозреваемых было множество — от мелких чиновников до влиятельных бизнесменов. Поймать за руку кого-то конкретно — было почти невозможно.

В следующие часы они говорили о деле, о трудностях, о растущем ощущении безысходности. Они обсуждали теории, делились подозрениями, строили планы. Алкоголь раскрепощал, помогая забыть о страхе и неопределённости. Они анализировали показания свидетелей, изучали финансовые документы, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, ведущую к истине.

Но в глубине души оба понимали, что дело не такое простое, каким кажется на первый взгляд. Коррупция, словно ржавчина, разъела все сферы жизни, и бороться с ней было всё сложнее. Волков предположил, что кто-то наверху, возможно, связан с хищениями. Он намекнул на влиятельных людей, чьи имена лучше было не произносить вслух.

Кошкин согласился.

— Вся эта экономика... Всё катится в тартарары, — заметил он, поднимая кружку. — И мы, похоже, бессильны.

К ночи они вышли из подвала, чувствуя себя ещё более опустошёнными, чем прежде. Холодный воздух обдал их лица, словно напоминая о суровой реальности. Они расстались, пообещав встретиться завтра и продолжить работу. Каждый из них понимал, что им предстоит долгая и трудная борьба, и что победа может и не достаться им. Но они не могли сдаться, потому что чувство долга и справедливости было для них превыше всего.

Через несколько дней, сидя снова в пивном подвале, Волков, поморщившись, высказал догадку:

— А что, если нам стоит копнуть глубже в прошлое? Поискать связи, которые кажутся сейчас несущественными.

Кошкин, обдумывая сказанное, кивнул. Они оба знали, что иногда именно давно забытые обстоятельства приводят к разгадке, что могла вывести их на этого «Мистера Смерть».

На следующее утро, когда солнце ещё только начинало пробиваться сквозь густые облака, они уже были в своём скромном кабинете, заваленном кипами старых дел и пыльными архивами. Началась кропотливая работа с архивными документами, связанными с делом «Мистера Смерть», перебирая сотни имён и событий. Волков скрупулёзно просматривал каждый протокол, каждый отчёт, пытаясь отыскать тот самый связной элемент, который мог бы вывести их на «Мистера Смерть».

Часы тянулись медленно, наполненные шелестом страниц и тихими разговорами. Они погружались в прошлое, анализируя каждую деталь, каждую связь. Кошкин обратил внимание на несколько незначительных событий, связанных с жертвами, на которые раньше никто не обращал внимания. Он предположил, что все жертвы в прошлом имели связь с одним и тем же клубом по интересам, существовавшим несколько лет назад. Волков, проанализировав это, заметил странное совпадение. Все члены этого клуба были связаны с одним человеком — бывшим владельцем небольшого антикварного магазина. Этот человек, по их информации, давно умер. Но что, если они ошибались? Что, если смерть была лишь прикрытием? Не имея никаких веских доказательств, они решили наведаться в старый магазин, где, по слухам, хранились забытые секреты.

Магазин встретил их пылью и мраком. Старые книги, антикварная мебель, странные артефакты — всё это создавало атмосферу тайны. Осматривая помещение, Кошкин обнаружил потайную дверь, скрытую за старинным зеркалом. За дверью открылась комната.

Сперва — лишь ощущение холода, пронизывающего даже сквозь плотную шерстяную накидку. Потом — запах. Густой, затхлый аромат вековой пыли, смешанный с чем-то неуловимо гнилостным. Воздух казался плотным, почти осязаемым, словно сотканным из мельчайших частиц пыли, веками оседавших в этой забытой богом и людьми комнате с незапамятных времён.

Мрак здесь царил абсолютный. Лишь тонкая полоска света пробивалась сквозь щель под дверью, едва очерчивая контуры предметов. Мебель, покрытая толстым слоем пыли, казалась призрачной, нереальной. Высокий шкаф, вероятно, из красного дерева, стоял, словно угрюмый страж, у дальней стены. На его дверцах, оплетённых паутиной, угадывались остатки резных узоров.

Паутина здесь была повсюду. Тяжёлые нити свисали с потолка, словно траурные знамёна, окутывали углы, драпировали мебель, превращая всё вокруг в жутковатую, призрачную инсталляцию. Под ногами хрустело что-то мелкое и сухое — возможно, кости насекомых, затерявшихся в этом пыльном лабиринте.

Казалось, время здесь остановилось. Каждый предмет, каждая пылинка хранила в себе отголоски прошлого, шёпоты забытых историй. В этом царстве пыли и паутины ощущалось присутствие чего-то потустороннего, того, что не желало нарушения его покоя. Холод пробирал до костей, и не только от отсутствия отопления. Это был холод забвения, холод безвременья. Кошкин и Волков пока ещё не решались зайти внутрь для исследования помещения.

Два детектива стояли на пороге старинного особняка, известного в городе как «Дом тишины». Здание, окутанное мрачной славой, стояло на окраине, заброшенное уже много лет. Местные жители избегали его, рассказывая жуткие истории о призраках и странных исчезновениях. Кошкин, мужчина лет сорока, с усталым взглядом и шрамом над бровью, нервно постукивал пальцем по потрёпанному кожаному блокноту. Волков, его молодой напарник, высокий и худощавый, с любопытством осматривал фасад, покрытый слоем серой пыли и густой паутины.

— Ну что, Кошкин? Готов окунуться в эту... клаустрофобическую красоту? — усмехнулся Волков, стараясь разрядить обстановку. Холодный ветер свистел в щелях окон, напоминая о приближающейся зиме.

Кошкин вздохнул. Ему редко нравилась его работа, но этот дом... он чувствовал, что здесь скрывается нечто большее, чем просто заброшенное здание.

— Не уверен, что готов, Волков. Но работу надо делать. Тем более, что последнее сообщение о пропавшей девушке пришло именно отсюда.

Они переступили порог. Внутри царил полумрак. Огромный холл встречал их поблёкшими обоями, обветшалой мебелью, укрытой белыми простынями. Волков достал фонарик и направил луч света на изящную люстру, свисающую с потолка. Каждая хрустальная подвеска покрылась слоем пыли, отражая свет тусклыми бликами. В воздухе стоял затхлый запах, смесь сырости, старого дерева и... чего-то ещё, того, что трудно было идентифицировать.

— Здесь тихо, как на кладбище, — прошептал Волков, оглядываясь.

Кошкин кивнул, чувствуя, как по коже пробегают мурашки. Они начали обход, тщательно осматривая каждую комнату. В одной из гостиных на стене висело огромное зеркало в позолоченной раме. Волков заметил, что оно странно отражает свет, создавая ощущение, будто свет уходит вглубь зеркала.

— Кошкин, посмотри сюда, — подозвал он.

Кошкин подошёл к зеркалу и внимательно взгляделся в него. В отражении он видел лишь полумрак комнаты, но в глубине зеркала словно мерцало слабое свечение. Он коснулся холодной поверхности стекла и, в этот момент, почувствовал лёгкий толчок, будто кто-то коснулся его с другой стороны. Сердце Кошкина бешено заколотилось.

— Что это было? — спросил он, отступая назад.

Волков пожал плечами.

— Не знаю. Может быть, просто галлюцинация.

Глава 2:

Призрачная Дама

Они продолжили осмотр. В одной из комнат нашли дневник пропавшей девушки. Последняя запись гласила: «*Они зовут меня... Зеркало... Оно обещает... вечную жизнь...*»

С каждой прочитанной строкой напряжение нарастало. В особняке чувствовалось присутствие чего-то недоброго, того, что манило и одновременно пугало.

Вдруг, из глубины дома донёсся тихий шёпот. Кошкин и Волков переглянулись.

— Что это было? — спросил Волков, взявшись за пистолет.

Шёпот повторился, став чуть громче. Они пошли на звук, осторожно ступая по скрипучим половицам. Едва слышный голос вёл их к зеркалу в гостиной. Когда они подошли ближе, зеркало начало светиться, и из него стали появляться призрачные силуэты. Страх сковал их. Волков выстрелил в зеркало, но пули прошли сквозь него, не причинив никакого вреда.

Внезапно, из зеркала появилась фигура женщины. Её лицо было бледным и искажённым от страданий. Она протянула руки к детективам:

— «*Помогите... Вы должны уйти... Это ловушка...*» — прошептала она, прежде чем призрак вновь исчез в зеркале.

Пока следователи были шокированы произошедшим, из-под зеркала, словно выскользнув из самой его глубины, выпало письмо. Оно было сложено аккуратно и скреплено следом женских губ в красной помаде. Кошкин осторожно поднял его. А Волков предложил покинуть это зловещее место. Кошкин согласился, сложил письмо во внутренний карман куртки и направился с Волковым в сторону выхода. Выбравшись оттуда, Волков предложил Кошкину вернуться обратно в прокуратуру, и в кабинете выяснить, что это за конверт такой.

Они вышли из магазина, и понимая, что сами не дойдут до прокуратуры, поймали себе такси.

Ярко-красное такси, словно вспышка солнца в серой повседневности, подрулило к обочине у магазина. Его обшарпанный бок хранил безмолвную историю сотен коротких поездок, случайных попутчиков и бесконечного гула городского трафика. «Волга» ГАЗ-3102, безошибочно узнаваемая в своём классическом силуэте, слегка поскрипывала подвеской, словно вздыхая от усталости. На крыше тускло поблёскивал оранжевый фонарь «таксометра», намекая на скорый маршрут. В этом угрюмом пейзаже советской действительности, с его серыми домами и вечными очередями, ярко-красная «Волга» была криком свободы, символом надежды.

Из дверей магазина вышли Михаил Кошкин и Андрей Волков. Михаил, в добротном пальто и с портфелем в руке, нервно поглядывал на часы. На его лице читалось беспокойство, а в глазах — скрытое напряжение. Андрей, в потёртой кожаной куртке, неспешно закуривал сигарету, окидывая взглядом окрестности. Он выглядел спокойнее, но в его глазах проскальзывала та же тревога. Они явно спешили, но пытались сохранить видимость спокойствия, будто тщательно репетировали эту сцену.

Водитель — молодой парень в варёных штанах, в кожаной куртке и кепке, окинул их взглядом через открытое окно. Его лицо было обрамлено тёмными волосами, а глаза, казалось, хранили в себе какую-то тайну. Он выглядел непривычно серьёзным для своего возраста.

— Вам куда, товарищи? — хрипло спросил он, сплёвывая на асфальт. Его голос, казалось, был пропитан дымом и усталостью.

Михаил быстро назвал адрес, и в его голосе слышалась настойчивость. Водитель кивнул, открывая заднюю дверь:

— Садитесь, товарищи. Поехали.

Салон автомобиля пропах бензином, табаком и чем-то неуловимо советским — смесью пыли, старых книг и воспоминаний. Коричневые сиденья из дерматина были продавлены бесчисленными задницами пассажиров, впитав в себя запахи и истории. На приборной панели виднелись следы времени: выцветшие кнопки, потёртый руль. Сквозь трещины на лобовом стекле проглядывались городские пейзажи, словно кадры из старого кинофильма.

Такси тронулось, плавно вливаясь в поток машин. Михаил и Андрей молчали, напряжённо глядя вперёд. Их лица, освещённые тусклым светом салона, выражали смесь волнения и предвкушения. Напряжение росло с каждой проехавшей улицей. Что-то важное их ждало, что-то, ради чего они шли на риск.

— Хорошая у вас машина, товарищ, — неожиданно произнёс Волков, прерывая тишину. В его голосе слышалась попытка разрядить обстановку.

Водитель, казалось, вздрогнул от неожиданности. Он еле заметно побледнел, и в его глазах мелькнула непонятная грусть. Он ответил, с трудом сдерживая слезы:

— Да, машина отличная, она раньше принадлежала моему младшему брату. — В этих словах звучала история — история утраты, история о жизни, оборванной слишком рано.

По мере приближения к пункту назначения атмосфера в салоне накалялась. Михаил и Андрей переглядывались, их нервы были на пределе. Внезапно такси резко затормозило. Водитель развернулся к ним, и в его глазах читалась решимость, но в глубине таился страх. Он сглотнул, прежде чем заговорить:

— Я знаю, что вы нашли подсказку, ведущую к ней, но хочу предупредить вас — бойтесь её гнева. Ибо нет страшнее оружия, чем злая и униженная девушка, — он говорил тихо, но его слова эхом отдавались в салоне.

Он знал её. Знал её лучше, чем они могли себе представить.

Волков и Кошкин сидели тихо, не понимая, что именно происходит. Они не ожидали такой реакции. Водитель, казалось, знал больше, чем говорил. Они чувствовали, как воздух вокруг них сгущается, как будто они попали в ловушку. В их глазах мелькнул страх.

Но вскоре тишина в машине была нарушена вопросом Кошкина, адресованным таксисту:

— Что вы имеете в виду? Кто она? Почему мы должны её бояться? — Кошкин, обычно спокойный и рассудительный, потерял самообладание. Он понимал, что они втянуты в опасную игру, игру, в которой ставки были слишком высоки.

Водитель повернулся обратно, уже собираясь продолжить движение и, включив охлаждение, они ехали дальше. Вскоре перед водителем появилась фигура той самой женщины, из потайной комнаты магазина. Водитель от страха резко повернул руль влево, и машина въехала в цветочную лавку «Алые розы».

Волков схватился за подлокотник, пытаясь удержаться на месте. Удар был сильным, и их бросило вперед. В салоне запахло свежими цветами и землей. Водитель, казалось, был в шоке, его руки дрожали, когда он пытался выключить двигатель. Кошкин, придя в себя, выругался сквозь зубы и попытался открыть дверь.

— Вылезаем! — крикнул он, толкая Волкова вперед.

Они выбрались из покорёженной машины, осматривая ущерб. Разбитая витрина цветочного магазина, разбросанные горшки и цветы, перепуганные лица прохожих — всё это казалось сюрреалистичным сном. Но страх, поселившийся в их сердцах, был вполне реальным.

Кошкин огляделся, оценивая ситуацию. Они были в людном месте, но это не означало безопасность. Эта женщина, кем бы она ни была, явно обладала невообразимой силой. Нужно было убираться отсюда.

— Кошкин ты куда? — крикнул Волков, на что Кошкин ответил:

— Парень ещё в салоне, его нужно спасти!

Но, было уже поздно. Подойдя к машине и открыв водительскую дверь они увидели, что таксист не пережил аварию.

Голова таксиста была на сигнале руля, поэтому он и продолжал идти. Кошкин лишь взглянул влево и увидел, что за всем наблюдала чья-то фигура: тёмная и явно одетая в платье. Он бросился за ней, но, в следующий момент, там уже никого не было.

Вернувшись к такси, Кошкин решил осмотреть тело таксиста ещё раз, в надежде найти хоть какую-нибудь зацепку, хоть малейшую подсказку. Он наклонился, осторожно откинул голову водителя, чтобы лучше рассмотреть лицо. Ужас охватил его, ледяной волной прокатившись по позвоночнику. Это было уже не лицо. Это была страшная маска, плод чьего-то безумия, воплощение кошмара. Остатки глаз, носа, губ, ресниц — всё превратилось в кровавое месиво, лишённое всякой человечности. Лицо было стёрто, словно кто-то с яростью стирал его с этого мира.

— Что это было? — выдохнул Волков, бледный, как смерть, стоявший рядом. Его голос дрожал, выдавая охвативший его ужас. Он не мог поверить своим глазам.

Кошкин молчал, его взгляд был прикован к стёртому лицу. Он знал, что теперь им грозит смертельная опасность. Он не понимал, что произошло, но он знал одно — это только начало. Это была не просто авария, это была спланированная расправа, ужасное послание. Он почувствовал, как по спине снова пробежал холодок. Мсть? Предупреждение? Или начало чего-то гораздо более страшного?

— Чёрт возьми, Кошкин, что происходит? — Волков снова попытался привлечь его внимание. Кошкин молчал, его мысли метались, пытаясь найти хоть какую-то логику в этом кошмаре. Исчезнувшее лицо, тень в переулке, загадочная женщина — всё это складывалось в зловещую картину, предвещающую неминуемую опасность.

Они стояли, беспомощные и напуганные, в луже крови, глядя на эту ужасающую картину. Их лица были мертвенно-бледными, глаза широко открыты, полные страха и осознания. Осознания того, что теперь они — мишень. Что их жизни в опасности. И что они понятия не имеют, кто их враг и как с ним бороться. Не понимали, как выжить в этой смертельной игре.

В этот момент раздался звонок на телефон Кошкина. Он вздрогнул, будто его ударило током. Медленно, дрожащей рукой, он достал телефон из кармана. Неизвестный номер. Он колебался, но всё же нажал кнопку ответа. Тишина в трубке, а затем холодный, равнодушный голос произнёс всего несколько слов:

— *«Игра началась».*

После этого связь оборвалась.

Кошкин опустил телефон, его глаза наполнились ужасом. Он посмотрел на Волкова, и в их взглядах читался один вопрос: «Что делать дальше?». Они оказались в самом центре смертельной игры, исход которой был очевиден.

В этот момент из толпы, как призрачная тень, появилась та самая женщина в тёмном платье. Она смотрела прямо на них, её глаза сверкали в полумраке. Затем она медленно исчезла, растворившись среди людей, оставив после себя лишь чувство леденящего ужаса.

Волков и Кошкин стояли, оцепенелые от страха, не в силах что-либо изменить, в окружении безразличной толпы. Они были одни в смертельной ловушке, ожидая неизбежного конца.

Вскоре они уже были в своём кабинете, пытаясь выяснить детали того, кто мог бы быть этой таинственной особой в чёрном платье. И тут Кошкин вспомнил про письмо, которое они нашли в потайной комнате магазина, где они недавно вели расследование.

Волков, попыхивая папиросой, медленно водил лупой по поверхности. Кошкин, нервно барабанил пальцами по столу, предлагал безумные теории: от исчезающих чернил до сложнейших оптических иллюзий. Всё тщетно.

— Считаешь, зря время теряем, Андрей Петрович? — спросил Кошкин, откидываясь на спинку стула.

Волков молчал, упрямо изучая пергамент. Внезапно, Кошкин неловко дёрнулся, зацепив настольную лампу. Та с грохотом рухнула на стол, обдав пергамент потоком тепла.

Затаив дыхание, Волков и Кошкин смотрели, как на чистом листе проявляются тонкие линии, образующие буквы. Замысловатый шифр, словно вызванный из небытия жаром лампы, раскрывал свою тайну.

— Не может быть... — прошептал Кошкин, не веря своим глазам.

Волков, отбросив лупу, схватил карандаш и бумагу.

— Скорее, Миш, нужно успеть записать. Каждая секунда дорога! — На листе, будто из пепла, всплывала угроза, спрятанная в шифре. Раскрытие её тут же легло на плечи этих двух следователей.

Спустя несколько часов напряжённой работы, когда за окном уже опустилась ночь, им удалось расшифровать большую часть текста. Письмо было написано человеком, скрывающим какую-то тайну, и содержало указания о месте встречи и, вероятно, о каком-то преступлении.

— Чёрт побери! — выругался Кошкин. — Кажется, мы вляпались по самое не балуй. Волков кивнул, в его глазах читалась тревога. Им предстояло выяснить, кто скрывается за этим шифром и предотвратить возможную трагедию. А теперь предстояло выяснить содержимое письма, пока текст не расшифрован. Кошкин и Волков понимали — им нужно было понять, что за текст там написан.

Шли минуты, часы, время уже было 22:00 ровно. Но решения проблемы так и не пришло.

Истощённые и измученные, они решили отложить работу до утра. Волков предложил немного отдохнуть, а затем отправиться в их излюбленное место — тихий пивной подвал, где они могли расслабиться и обсудить дело за кружкой пива. С этими мыслями они покинули кабинет, чувствуя усталость, но также и надежду на завтрашний день.

Придя к пивному подвалу, они испытали шок. У входа стояла толпа людей, все в чёрном, их лица были омрачены горем. Слезы текли по их щекам, выражая общую скорбь. Волков и Кошкин переглянулись. Что-то явно случилось, нечто страшное, что-то объединяющее всех людей в этой тихой, уединённой атмосфере. Они осторожно подошли к группе, надеясь узнать, что произошло. Неожиданно один из мужчин, заметив их, подбежал к ним. Он был в слезах, но его взгляд был полон решимости:

— Где... Где вы были, товарищи следователи, когда Павловича пытали, а после — убили? — выкрикнул он, срывая голос.

Кошкин и Волков, ошеломлённые этими словами, молчали.

Собравшись с силами, они вошли в подвал. Картина, представшая их глазам, была ужасающей. Тело пивника, Семакина Петра Павловича, было разорвано на части и разбросано по подвалу. Милиционеры уже работали на месте преступления, но ужас, царивший в этом месте, было невозможно скрыть. Запах крови, смешанный с запахом пива, вызывал тошноту.

Профессиональный долг, однако, был выше эмоций. Кошкин, взяв себя в руки, подошёл к одному из милиционеров.

— Товарищ лейтенант, что здесь произошло? — спросил он, стараясь сохранять спокойствие.

Лейтенант, молодой, но уже успевший столкнуться с горем, отдал честь.

— Здравия желаю, товарищ капитан. Докладываю: согласно показаниям свидетелей, преступление совершила таинственная девушка в белом свадебном платье. Само платье было всё в крови.

Кошкин нахмурился.

— А есть фоторобот лица девушки? — спросил он.

Лейтенант покачал головой.

— Нет, товарищ капитан. Её лицо было закрыто маской, скрывающей все приметы.

Тайна, окутывавшая убийство, становилась всё гуще. Кто эта загадочная девушка? Что она делала в подвале? И зачем совершила столь жестокое убийство?

Расследование началось. Опрашивали свидетелей, собирали улики. Один из свидетелей рассказал, что видел, как девушка в белом платье выходила из подвала, держа в руках окровавленный нож. Другие утверждали, что слышали странные звуки — крики, стоны, глухие удары. Но все показания указывали на одно — на страшное преступление, совершённое при загадочных обстоятельствах.

Поиски привели к раскрытию старых, забытых легенд о призраке невесты, появляющимся в окрестностях, когда проливается кровь невинных. Местные жители рассказывали о девушке, погибшей в день своей свадьбы, которая теперь мстит тем, кто причинил ей страдания. Кошкин, скептически относившийся к подобным историям, понимал, что они могут содержать зерно истины. В конце концов, что-то должно было вызвать такое зверство.

В кабинете Кошкина и Волкова, в Ленинградской прокуратуре, царил сумрак. На столе лежали фотографии с места преступления, показания свидетелей, все те немногие улики, которые удалось собрать.

— Блин, мистика какая-то получается! — крикнул Волков, сидя в кабинете, проверяя показания свидетелей.

На что Кошкин спросил:

— Что там у тебя, Андрюх, не так?

В ответ Волков сказал:

— Согласно показаниям, в подвал пришла женщина, одетая в кровавое свадебное платье, с кровавой фатой в волосах, в маске, закрывающей лицо, и с кухонным ножом в руке. И пыталась выяснить у пострадавшего, где найти некую Каролину.

Кошкин вздохнул.

— Каролина... Это может быть ключ к разгадке, — сказал он.

Они начали искать информацию о Каролине, проверяя все возможные варианты.

Через несколько дней им не удалось найти ни одной зацепки.

И тут Волков вспомнил про зашифрованное письмо, и подумал: «Это, возможно, та самая зацепка, которую они ищут». Но прежде, чем делать выводы, нужно было выяснить содержание письма, а для этого им нужен был расшифровщик.

Кошкин кивнул. Он понимал, что это их единственный шанс. Они обратились к лучшему специалисту по шифрам в городе — пожилому профессору математики, физики и эксперту в кодах дешифровки Михелеву Константину Викторовичу. Выяснив, где именно он преподаёт, Кошкин и Волков направились в Ленинградский университет имени А. А. Жданова, одного из старейших и престижнейших университетов в Ленинграде.

Поездка в университет была долгой и трудной, так как пробки в Ленинграде были ужасными.

Когда они, наконец, добрались до старинного здания, охранник на входе преградил им путь.

— Стойте, товарищи, вы куда именно? — строго спросил он, оглядывая их подозрительным взглядом.

— Мы к профессору Михелеву, — ответил Волков, предъявляя удостоверение. Охранник кивнул, пропуская их внутрь.

Они прошли через просторный холл, украшенный портретами выдающихся учёных, и поднялись на четвёртый этаж, где располагалась кафедра математики. Кабинет Михелева находился в самом конце коридора, у окна, выходящего на Неву. Дверь была открыта — это насторожило следователей.

Поэтому они достали из своих кобур пистолеты и вошли в кабинет профессора. Обстановка явно указывала, что они опоздали.

Кабинет профессора Михелева — словно отражение его гениального, но беспорядочного ума, — представлял собой сплав хаоса и интеллектуальной мощи. Книжные шкафы, громоздящиеся от пола до потолка, ломались под тяжестью томов по математике, физике, криптографии и оккультизму. Разбросанные повсюду бумаги, исписанные сложными формулами и шифрами, перемешались с пустыми кофейными чашками, смятыми обёртками от шоколада и разобранными механизмами старинных вычислительных машин. Запах старой бумаги, кофе и лёгкий оттенок ладана смешивались в странный, но узнаваемый аромат этого места.

В центре этого научного беспорядка развернулась сцена, достойная самых мрачных кошмаров. Тело профессора Михелева, великого учёного и эксперта по расшифровке кодов, сидело, откинувшись назад. Со стороны могло показаться, что он просто задремал над очередной трудной задачей, но мертвенная бледность кожи и неестественный угол, под которым была запрокинута голова, не оставляли сомнений. Самым жутким было то, что на первый взгляд, вокруг не было ни единой улики: ни оружия, ни следов борьбы, ни капель крови. Только тишина, нарушаемая редким потрескиванием старого паркета, и тяжёлый запах ладана, который, казалось, исходил теперь от самого тела.

Лицо профессора, искажённое гримасой немого ужаса, выражало предсмертную муку. В воздухе ощущалось присутствие чего-то зловещего, нечеловеческого. Кабинет, обычно наполненный гулом размышлений и шорохом страниц, теперь был пронизан леденящей тишиной, нарушаемой лишь тихим капанием крови, стекающей по стене.

Волков и Кошкин были в шоке от увиденного. По спине пробежал холодок, а сердце заколотилось в груди, словно предчувствуя, что впереди их ждёт долгая и опасная игра.

Первым делом Волков попросил Кошкина оцепить место преступления и вызвать подкрепление. Сам же он начал осмотр, стараясь не задеть ничего лишнего. Он заметил, что пентаграмма была нарисована с невероятной точностью, словно убийца обладал глубокими знаниями в области оккультизма. В углу кабинета стоял старый деревянный сундук, на котором лежала раскрытая книга по демонологии. Её страницы были изрисованы изображениями демонов и странными символами.

Пока криминалисты работали, собирая улики, Волков изучал бумаги профессора. Среди них он обнаружил письмо без адреса отправителя и именем того, кто отправил письмо. Единственное, что было написано в строчке «Адрес отправителя» — «Призрачная Дама в красном». Андрей Волков не обратил внимание на этот момент, решив, что изучит письмо позже.

Сунув его во внутренний карман пиджака, он услышал, как Кошкин позвал его:

— Андрей, иди сюда. Посмотри, что найдено во рту профессора.

Волков подошёл к телу профессора. Кошкин, стоя рядом, указал на рот убитого. Во рту профессора был найден ключ. Ключ был старый, слегка поржавевший из-за слюны профессора, но, тем не менее, вполне узнаваемой формы. На ключе были выгравированы странные символы, которые показались Волкову смутно знакомыми, хотя он не мог вспомнить, где именно он их видел.

— Что думаешь? — спросил Кошкин, поправляя очки. Его лицо выражало смесь отвращения и любопытства.

Волков глубоко вздохнул, пытаясь совладать с собой.

— Это не просто убийство, Миш. Это что-то... другое. Это словно, мы имеем дело с... с каким-то ритуалом. Ключ... он должен что-то открывать. Не думаю, что он от двери в кладовку, — ответил он и его голос стал более серьёзным.

Волков принял решение:

— Нам нужно вскрытие, Миша. Нужно установить время смерти и причину. Я хочу знать, что стало причиной смерти. А потом мы будем искать, что этот ключ открывает.

Кошкин кивнул, осознавая серьёзность ситуации. Он поднял тело профессора с кресла и, выйдя из кабинета, направился к выходу, чтобы найти патрульных милиционеров и подготовить всё для вскрытия. Волков остался в кабинете, пытаясь собрать воедино все улики, понимая, что втянулся в опасную игру, в которой ставки были намного выше, чем он мог себе представить.

Несколько дней спустя, в морге, пока проводилось вскрытие, Волков исследовал все улики. Он связался с экспертами по оккультизму и показал им ключ. Они были поражены, говоря, что символы на ключе указывают на возможность открытия портала в ад.

Глава 3: Улика, которой нет

Кабинет патологоанатома Филина, пропитанный запахом формалина и лекарств, встретил Волкова и Кошкина тишиной, которую нарушало лишь глухое гудение холодильных установок. Этот запах, казалось, впитывался в стены, в железные столы, в саму атмосферу этого места, где смерть была не просто событием, а рутинной. Филин, высокий, седой мужчина с усталыми глазами ждал их, стоя у железного стола, на котором под белой простыней покоилось тело профессора Михелева. Его взгляд, спокойный и пронизательный, передавал годы опыта и сотни, если не тысячи, смертей, прошедших через его руки.

— Матвей Сергеевич, здравствуйте, — поздоровался Волков, пожимая руку эксперту. Его голос, как всегда, был ровным и уверенным, но в глазах читалось напряжение. Рядом с ним стоял Кошкин, чуть более молодой и импульсивный, его взгляд постоянно метался по комнате, словно он искал невидимую опасность. — Мы по делу профессора Михелева. Результаты вскрытия готовы?

Филин кивнул, жестом приглашая их к столу. Он выглядел усталым, словно груз этой загадочной смерти уже начал давить на него.

— Готовы. И, признаться, случай крайне необычный. Причина смерти — внезапная остановка всех жизненно важных органов. Сердце, лёгкие, мозг — всё прекратило функционировать практически одновременно. Словно кто-то разом выключил рубильник.

Кошкин нахмурился, его лицо выражало сомнение и беспокойство.

— Отравление?

— Токсикология ничего не выявила. Ни известных ядов, ни следов каких-либо препаратов. Мы провели расширенный анализ, проверили все базы данных, но результат один — чисто. Полная загадка. — Филин подошёл к столу и осторожно откинул простыню, обнажив бледное, почти безжизненное лицо профессора Михелева. Черты лица учёного, всегда выражавшие интеллект и пытливость, теперь застыли в странном спокойствии. — Самое странное, — указал он на шею Михелева, — никаких следов инъекций. А это первое, что приходит на ум при подобном развитии событий. Ни единого прокола, ни малейшего покраснения. Как будто уснул.

Волков молчал, задумчиво оглядывая тело. Он был опытным следователем, повидавшим множество смертей, но эта... Эта была особенной. Она не имела ни логики, ни объяснения. Он обошёл стол, осматривая тело со всех сторон, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, хоть малейший намёк на то, что могло произойти.

— Может быть, какой-то новый препарат? То, что ещё не внесено в базы?

Филин покачал головой, его глаза выражали безысходность.

— Теоретически, возможно. Но я провёл расширенный анализ, проверил всё, что только мог. Ничего похожего. Это действительно... загадка. Кажется, что природа смерти выходит за рамки современной науки. Всё указывает на то, что это не естественная смерть, — он снова прикрыл тело простыней, словно пытаясь скрыть от них эту странную, необъяснимую тайну. — Боюсь, большего я вам сказать не могу. Смерть необъяснимая.

Волков кивнул, понимая, что пока им нечего больше ждать.

— Спасибо, Матвей Сергеевич. Мы свяжемся с вами, если появятся какие-то новые данные.

Они с Кошкиным покинули кабинет, оставив Филина наедине с тайной, которую ему предстояло разгадать. Но даже когда они вышли из здания морга, чувство необъяснимости и тревоги не покидало их.

Дни шли, а дело стояло на месте. Обыски в доме профессора Михелева ничего не дали. Свидетелей, которые могли бы пролить свет на произошедшее, не было. Отсутствие следов отравления или насилия делало расследование практически невозможным. Волков и Кошкин начали ощущать на себе давление начальства. Дело о смерти профессора Михелева висело на них тяжким грузом.

Однажды, просматривая ещё раз материалы дела, Волков вспомнил про письмо со странной строчкой. Он оперативно полез в пиджак на поиски письма. Найдя конверт, Андрей перевернул его, но тот был основательно запаян.

На обратной стороне не было ни адреса, ни каких-либо других пометок. Волков напряжённо всматривался в конверт, пытаясь что-то разглядеть. Кошкин, наблюдая за его действиями, спросил:

— Что там, Андрей? Что-то важное?

Волков молча покачал головой, разрывая конверт. Внутри, кроме самого письма, была лишь маленькая карточка с изображением эмблемы схожей с эмблемой письма.

Но решившись, Волков развернул письмо, текст, конечно, не велик и не мал:

«Следователям, капитанам милиции Ленинградской прокуратуры СССР, Андрею Петровичу Волкову и Михаилу Сергеевичу Кошкину.

Господа следователи!

Примите это письмо как вызов. Вызов не на улице с пистолетами, нет. Это приглашение на дуэль иного рода — дуэль разумов, где ставкой становится истина, а полем боя — лабиринт загадок и теней прошлого.

Вы, должно быть, уже привыкли к крови и грязи преступлений. Но готовы ли вы к игре, в которой ваши навыки дедукции и интуиции будут испытаны до предела? Готовы ли вы встретиться с тем, что скрывается за фасадом обыденности, в мире, где реальность переплетается с иллюзией?

На воске этой печати — символ, алое предупреждение. Обратите внимание. Он же запечатлён в глубине моего взгляда — в глазах “Девушки в красном”. Это не просто метафора, это ключ. К чему — узнаете сами, если осмелитесь принять мою игру.

Я не раскрываю своего имени. Пусть моя репутация, если вы о ней слышали, предшествует мне. Знайте лишь, что я наблюдаю за вами. И жду вашего решения. Примете ли вы вызов? Или предпочтёте остаться в успокаивающем свете ваших кабинетов, подальше от мрака, который я предлагаю вам исследовать? Выбор за вами.

Жду ответа... “Девушка в красном”»

Волков медленно поднял глаза, его взгляд встретился с взглядом Кошкина. В кабинете повисла гробовая тишина. В воздухе витало напряжение, словно перед грозой. Кошкин, нарушив молчание, произнёс:

— «Девушка в красном»? Что это значит?

Волков прошептал:

— Это не просто письмо, Михаил Сергеевич. Это — приглашение в ад...

В следующие дни они погрузились в расследование, пытаясь решить загадку «Девушки в красном».

Шли дни, но результата, зацепки, что могла бы привести их к «Девушке в красном» — нет. Они уже готовы морально опустить руки, но, как говорится: «Надежда умирает последней». А в них ещё теплится надежда найти «Девушку в красном».

Вечер 31 марта 1991 года. Ленинградская Генпрокуратура СССР. Кабинет следователей Волкова и Кошкина был погружён в полумрак, рассекаемый лучами настольной лампы. На столах громоздились кипы бумаг, уголовные дела, справочники по криминалистике и даже книги по оккультизму, приобретённые в отчаянной попытке найти хоть какую-то зацепку. За окном завывал холодный мартовский ветер, подгоняя тоску и безысходность.

Волков медленно поднял глаза, утомлённые бессонными ночами и горой нераскрытых дел. Его взгляд встретился со взглядом Кошкина — опытного следователя, чей седой висок свидетельствовал о годах, проведённых в борьбе с преступностью. В кабинете повисла гробовая тишина, разрезаемая лишь тиканьем старых часов на стене. Напряжение витало в воздухе, подобно сгущающимся тучам, когда каждое мгновение предвещает удар молнии.

Кошкин держал заключение по судмедэкспертизе таксиста, что вёз их. И вскоре он резко ударил себя со всей силы по лбу, и сказал:

— Чёрт возьми, вот я осёл! Это возможно то, что мы ищем.

Увидев реакцию своего друга Волков спросил:

— Миш, что у тебя там произошло, всё в порядке?

Кошкин, подойдя к столу, показал заключение судмедэкспертизы по делу таксиста, перевозившего одну из пропавших девушек.

— Андрей, обрати внимание на фамилию таксиста, она тебе не кажется знакомой?

Волков взглянул на фамилию и, нахмурившись, перечитал её несколько раз. Затем его глаза расширились от понимания.

— Чёрт возьми... Неужели дело «Девушки в красном» связано с той историей, когда тот пионер с возлюбленной взорвали машину?!

Фамилия таксиста была той же, что и у одного из участников громкого дела, произошедшего несколько лет назад.

— Нам надо осмотреть то такси, на котором мы, когда произошло всё это, ехали, — сказал Кошкин.

В ответ Волков ничего не сказал, лишь утвердительно кивнул. Его глаза, полные решимости, говорили о том, что они на правильном пути. Они оба понимали, что это может быть их единственным шансом раскрыть дело «Красной Леди», и вывести преступника на чистую воду. Они бросили взгляд друг на друга и, без слов, согласились, что будут действовать сообща, пока не найдут ответы.

Они вышли из кабинета, направляясь к выходу. Холодный ветер хлестал им в лицо, но это не могло сломить их решимость. Они должны были найти это такси. Но где оно сейчас? После аварии, в которую попал водитель, машину увезли... Куда? Это и предстояло выяснить.

Кошкин позвонил в службу эвакуации, выясняя местонахождение автомобиля. В этот раз Волков решил взять всё в свои руки. Ему предстояло доказать самому себе, что он сможет. Он должен был это сделать. Слишком много жизней могло быть на кону.

После нескольких звонков и запросов, Кошкин смог получить информацию. Такси, оказывается, после аварии, отвезли на штрафплощадку «Светляново». Волков и Кошкин, получив информацию о местонахождении автомобиля, направились туда.

Штрафплощадка «Светляново» представляла собой унылое зрелище: ряды покорёженных машин, заржавевших под осенним дождём. Воздух был пропитан запахом бензина, масла и сырости. Следователи, миновав охрану, начали свой поиск. Вскоре, среди груды металлолома, они нашли нужное такси. Оно было сильно разбито — повреждена передняя часть. Двери были запорты, но это не могло их остановить.

Металл её корпуса зиял ранами, словно зверь, павший в бою. Но, вопреки всем законам механики и здравого смысла, произошло нечто необъяснимое. В тот момент, когда Михаил Кошкин, отвернувшись, пытался отгородиться от кошмара, «Волга» ожила. Нет, не в привычном смысле — не взревел мотор, не задрожали колёса. Просто... включились фары. Два кровавых луча пронзили сумрак штрафплощадки, словно глаза демона, прожигаящие душу.

Андрей Волков, стоявший ближе всех к машине, замер. В его глазах отразился багровый свет, и что-то в его взгляде изменилось.словно невидимая нить протянулась от зловещего автомобиля к его разуму, подчиняя его воле машины.

«*Каролина*» — отчётливо проступило на выбитом боку «Волги», словно шёпот из преисподней.

Андрей больше не был собой. Он стал марионеткой, послушным инструментом в руках бездушного механизма. В его движениях появилась странная скованность, в голосе — металлические нотки.

Вскоре Андрей, который больше себя не контролировал, посмотрел на Кошкина и сказал:

— *Здравствуй, Миша. Я тебя помню, ты вместе с Андреем сидел сзади во мне. Вы не волнуйтесь, я не собираюсь как-то вредить вам.*

— А чего тогда ты хочешь, и кто или что вообще ты такое? — спросил Кошкин.

На что в ответ, Волков, явно сопротивляясь чей-то воле, начал шевелить губами, произнеся лишь одну фразу:

— *Меня зовут Каролина.*

Михаил Кошкин почувствовал холод, будто ледяной воздух зимы пробежал по его спине. Он понял, что столкнулся с чем-то непостижимым, чем-то за гранью человеческого понимания.

Он видел ужас в глазах Андрея, видел, как его друг, его товарищ, словно растворяется в этом проклятом автомобиле. Кошкин попытался заговорить с ним, но все его попытки казались тщетными. Слова не могли пробиться сквозь этот непроницаемый барьер, этот зловещий контроль. Он видел, как Андрей медленно, словно робот, направился к двери автомобиля, его шаги были размеренными и механическими.

Кошкин не мог позволить ему уйти. Он бросился к Андрею, пытаясь схватить того за руку, но Андрей лишь оттолкнул его с невероятной силой. Кошкин упал на пол, ударившись головой о металлическую деталь. Перед глазами поплыли круги.

В сознании Кошкина промелькнула сцена, как его друг детства, казалось, не владея собой, направился к задней левой двери «Волги». Он видел, как Андрей, повернувшись к нему лицом, произнёс странные слова, врезавшись в его память:

— *Здесь, за дверью, есть улика, которой нет. Она укажет вам направление.*

После этих слов Андрей вскинул голову к тёмному небу, словно внимая невидимому зову. В следующую секунду он упал на колени, что-то прокричал, и безжизненно рухнул на пол. Его тело, казалось, освободилось от невидимых оков, что его сдерживали.

Кошкин, преодолевая боль, поднялся на ноги. Голова гудела, перед глазами всё плыло, но он должен был понять, что произошло. Он подошёл к лежащему Андрею, но тот не подавал признаков жизни. Кошкин ощутил, как по его щеке скатилась слеза. В памяти всплыли годы, проведённые вместе, радости и печали, которые они пережили рука об руку. Теперь, казалось, их дружбе пришёл конец.

Вспомнив слова Андрея, Кошкин направился к «Волге». Его трясло от волнения, но он понимал, что должен довести дело до конца, должен найти эту «улику, которой нет». Дверь скрипнула, когда Кошкин открыл её. Внутри, под слоем пыли, он увидел письмо. Аккуратно подняв его, он, дрожащими руками, развернул лист. Почерк был знаком — почерк Андрея, он узнал его мгновенно.

«Михаил, если ты читаешь это письмо, значит, я уже не с тобой. Всё это время я скрывал страшную правду.

Мой отец... он был замешан в деле, которое ты когда-то вёл — деле о пропавшей картине. Он знал, что его раскрыли, и чтобы скрыть улики, он пошёл на убийство. Я узнал об этом совсем недавно, и теперь, они идут за мной».

Он прочёл письмо, не веря своим глазам. На письме стояла дата: 1983 год.

«Восемь лет назад было написано, какой смысл хранить его в автомобиле?» — подумал Кошкин, его мозг начал лихорадочно работать.

Кошкин осмотрел салон автомобиля. В бардачке он нашёл старую карту города, на которой была отмечена одна-единственная точка — галерея, где когда-то выставлялась пропавшая картина. Он судорожно сжал письмо в руке. Он должен был поехать туда. Возможно, именно там он найдёт ответы. Он вышел из машины, закрыл дверь, и его взгляд снова упал на тело Андрея. Он пообещал себе, что раскроет эту тайну, чего бы ему это ни стоило. Он вызвал своему другу скорую помощь. Спустя несколько минут, тишину ночи разорвала сирена. Звук становился всё громче и ближе, нарастая с каждой секундой.

На штрафстоянку, залитую тусклым светом уличных фонарей, выехала УАЗ-452А — белая машина с красными полосами и красным крестом на обоих бортах. Двое фельдшеров выскочили из машины и спешно направились к телу Андрея. Кошкин отошёл в сторону, наблюдая за их действиями, его сердце сжалось от предчувствия. Он видел, как фельдшер проверял пульс, осматривал рану. Лица врачей выражали мало надежды.

Кошкин вернулся к телу, готовый помочь, готовый понять. Когда врачи и санитары положили тело Андрея на носилки, а после в машину, Кошкин помогал им во всех этих операциях, чувствуя острую боль утраты.

В машине, когда они уже ехали, произошёл диалог:

— Товарищ доктор, вы не знаете, что с ним? — спросил Кошкин у врача, его голос дрожал.

Врач, молодая женщина с усталыми глазами, ответила:

— Нет, товарищ, мы пока не знаем, с чем именно имеем дело.

Кошкин, чувствуя отчаяние, не сдавался:

— Может, вы, товарищ, сможете помочь нам, рассказав, что именно произошло с ним?

Санитар, пожилой мужчина с опытом, сочувственно взглянул на Кошкина.

В больнице, когда Андрея Волкова доставили для проведения всех необходимых исследований, Кошкин ощутил гнетущую атмосферу. Экономический кризис, обрушившийся на страну, оставил свой след и здесь. Обветшалое оборудование, усталый персонал, отсутствие финансирования — всё это вызвало ощущение безысходности. Кошкин понимал, что надежда на быстрое выяснение обстоятельств смерти Андрея, тает с каждой минутой.

Спустя несколько дней, Кошкин, ведомый чувством долга и жаждой мести, направился к галерее, отмеченной на старой карте. Старинное здание, некогда гордость города, сейчас выглядело заброшенным и полуразрушенным. Стены были покрыты трещинами, окна выбиты, а вокруг царил тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра. Зайдя внутрь, Кошкин окунулся в атмосферу запустения. Пыль, полумрак и запах сырости окутывали его. Он внимательно осматривал помещение, надеясь найти хоть какую-то зацепку.

В одном из залов, заваленном обломками, он наткнулся на старый дневник. Пожелтевшие страницы хранили записи о выставке пропавшей картины, о загадочных гостях и таинственных событиях. Кошкин понял, что нашёл ключ к разгадке. Чем глубже он погружался в чтение дневника, тем отчётливее становилась картина: Андрей был вовлечён в опасную игру, связанную с контрабандой произведений искусства и коррупцией. Похоже, он слишком много знал, и его убили.

Он стал угрозой. Кошкин содрогнулся. Он понял, что его друг был убит, устранён из этой игры навсегда. Но прежде, чем Кошкин успел дочитать дневник, его прервал громкий звонок. Рингтон старого «Nokia GSM First» прорезал тишину. Михаил достал телефон из кармана пиджака. На экране высвечивался неизвестный номер.

В этот момент холод сковал его. Он вспомнил о той странной женщине, которую видел в день трагического инцидента с такси, въехавшим в цветочный магазин. У него было предчувствие. С диким страхом и переживаниями Кошкин держал телефон в руке. Он понимал, что этот звонок мог изменить всё. Через пять бесконечных секунд звонок прервался. Кошкин глубоко вздохнул и принял вызов. Голос на другом конце провода прозвучал сухо и официально:

— «Кошкин Михаил? Вас беспокоят из больницы. Волков Андрей пришёл в себя после операции».

Мир Кошкина перевернулся. Он словно очутился в эпицентре урагана. Андрей... жив? После той страшной аварии все считали его погибшим. Чудо, невероятное чудо, затмило все его переживания. Мгновенно, желание мести, которое тлело в его сердце, сменилось облегчением, надеждой и жгучим желанием увидеть друга, узнать правду.

Он вскочил со стула, опрокинув его, схватил куртку и выбежал из квартиры, не заботясь о том, чтобы запереть дверь. Он мчался к больнице, не обращая внимания на светофоры и пробки, чувствуя, что каждый потерянный миг может стоить ему жизни. Он должен был успеть, должен был услышать от Андрея, что произошло на самом деле в тот роковой день, что скрывала та женщина. Должен был узнать всё.

Он преодолел расстояние между домом и больницей в рекордное время, игнорируя знаки дорожного движения, подвергая свою жизнь и жизни других опасности.

Прибежав в больницу, запыхавшись, Кошкин кинулся к стойке регистрации, задыхаясь, прося о встрече с Волковым. Медсестра, пожилая женщина с усталым взглядом, равнодушно взглянула на него и произнесла:

— Волков? К сожалению, товарищ Кошкин, вы опоздали. Его только что нашли мёртвым.

Мир Кошкина рухнул. Облегчение мгновенно сменилось новой волной отчаяния и гнева. Он опоздал. Кто-то успел раньше него. Он проиграл. В коридоре повисла звенящая тишина, нарушаемая только его тяжёлым дыханием. Он попытался осознать произошедшее, но мозг отказывался работать. Убийство. Андрея убили. Его единственная надежда, его единственный свидетель — мёртв. И теперь он остался один, в лабиринте лжи и предательства.

Кошкин, охваченный яростью и отчаянием, пообещал себе, что найдёт виновных. Он поклялся отомстить за смерть друга, во что бы то ни стало. Он понимал, что теперь ему придется столкнуться с настоящей тьмой, с теми, кто скрывался в тени, кто дёргал за ниточки, управляя судьбами людей. Он должен был раскрыть правду, даже если она приведёт его к гибели.

Кошкин начал собственное расследование, погружаясь в мир коррупции, криминала и политических интриг. Он использовал все свои ресурсы, все свои связи, чтобы найти убийцу Андрея и раскрыть правду о том роковом дне. Он прочесал архивы, опросил свидетелей, собирал улики, подвергая себя смертельной опасности. Его преследовала тень той странной женщины, которая, казалось, знала всё, и он был уверен, что именно она была ключом к разгадке.

Глава 4: Церемониальные агенты...

Май 1991 года в Ленинграде выдался на редкость сумрачным. Небо, затянутое серыми тучами, словно предчувствовало надвигающуюся бурю. Не только политическую, но и личную, которая обрушилась на Светлану Юрьевну Волкову, когда гроб с телом её мужа, Андрея Петровича, опускался в холодную землю. Похороны проходили на небольшом кладбище, затерянном среди новостроек и обветшалых пятиэтажек. Ветер, казалось, выл, разнося по округе горестные вздохи и шёпот сочувствия. Экономический кризис, уже давно терзавший страну, проявил себя и здесь, на похоронах, в убогости венков и скудости поминального стола.

Светлана, красивая женщина с глазами, полными слёз, стояла у могилы, крепко сжимая руку Михаила Кошкина, лучшего друга и коллеги Андрея. Михаил, коренастый мужчина с поседевшими висками, был для неё опорой в эти трагические дни. Они с Андреем были не просто коллегами, они были настоящими боевыми товарищами, прошедшими вместе огонь, воду и медные трубы в стенах Министерства внешней торговли. Теперь Михаил чувствовал себя обязанным поддержать Светлану, помочь ей пережить эту страшную потерю. Он знал, что смерть Андрея — это не просто личная трагедия, это ещё и потеря для страны, для дела, которому они посвятили свою жизнь.

Погода продолжала нагнетать обстановку. Дождь начал моросить, превращая землю в липкую грязь. Люди, собравшиеся на похороны, укутались в пальто и плащи, стараясь укрыться от холода. Среди них выделялись несколько знакомых лиц: коллеги Андрея, с которыми он работал рука об руку долгие годы, пожилые родители Светланы, еле стоявшие на ногах, и

несколько далёких родственников, приехавших из других городов. Каждый из них переживал свою боль, свою утрату.

Во время поминальной трапезы в небольшой квартире, где они жили с Андреем, атмосфера была гнетущей. Стол ломился от скромной снеди — консервы, картошка, пара салатов, которые Светлана приготовила заранее, собрав последние средства. Михаил, стараясь хоть немного поднять настроение, рассказывал анекдоты, но смех звучал неестественно, сквозь горе. Он вспоминал, как они с Андреем начинали свою карьеру, как вместе ездили в командировки, как переживали взлёты и падения советской экономики. Он говорил о его таланте, его честности, о его преданности делу.

Внезапно, в самый разгар поминального обеда, когда Михаил рассказывал очередную байку из их совместной работы, в дверь раздался стук. Резкий, настойчивый стук, который пронзил тишину, как нож. Светлана, с дрожащими руками, пошла открывать. Она словно почувствовала что-то неладное. Её бледное лицо выдавало страх, который мгновенно охватил её полностью. Дверь открылась, и на пороге предстали двое мужчин — в строгих, серых костюмах. Их лица были непроницаемы, а взгляды холодны. Оба представились сотрудниками КГБ.

В глазах Светланы застыл ужас. Михаил, словно почуяв неладное, шагнул вперёд, желая защитить её.

— Что вам нужно? — спросил он, стараясь скрыть волнение, но голос его дрожал.

Один из мужчин, с холодным выражением лица, начал говорить о том, что Андрей был замешан в каких-то сомнительных финансовых операциях. Его смерть, как они выразились, требовала тщательного расследования. Обвинения звучали зловеще, грозя разрушить всё, что они знали о друге и муже.

Михаил, стараясь сохранить самообладание, пытался взять ситуацию под контроль.

— Товарищи, представьтесь по форме, вы не видите, что перед вами жена офицера? — произнёс он, его голос теперь звучал твёрдо, как сталь.

В этот момент он осознал, что простое горе превращается в нечто большее — в угрозу, которая нависла над ними всеми.

— А, вы, собственно, кто сами, товарищ? — с ледяной усмешкой спросил один из мужчин.

Тогда Михаил вытащил из кармана удостоверение.

— Кошкин Михаил Сергеевич, капитан Прокуратуры Ленинградской области.

Взгляды чекистов изменились, но накалённая обстановка в воздухе никуда не делась. Вместо диалога последовала стремительная атака. Мужчины, словно дикие звери, набросились на Кошкина. В тесной прихожей квартиры Волкова, где ещё витал призрак недавней смерти хозяина, воздух сгустился от ожесточённой схватки. Кошкин, с покрасневшим лицом и горящими глазами, стоял против двоих, чьи силуэты терялись в полумраке коридора. Светлана Волкова, в чёрном вдовьем платке, застыла в дверном проёме, не в силах вымолвить ни слова.

Первый удар пришёлся в челюсть Кошкина, отбросив его к стене, обитой выцветшим ковром. Он охнул, но быстро пришёл в себя, ответив резким ударом ногой в колено нападавшего. Тот закричал от боли, оседая на пол. Второй мужчина бросился на Кошкина, пытаясь сбить его с ног. Завязалась борьба — кулаки летели в лицо, в живот, в грудь. Звук ударов, хрипы и стоны разносились по квартире, нарушая тишину, которая совсем недавно казалась незыблемой.

Кошкин, несмотря на численное превосходство противников, дрался яростно, отчаянно. Он использовал всё, что попадалось под руку: вазу с искусственными цветами, тяжёлую пепельницу, даже зонтик, найденный у двери. Предметы летели в противников, добавляя хаоса и без того безумную сцену. Светлана, наконец, пришла в себя и попыталась вмешаться, крича и

умоляя прекратить драку. Один из нападавших, окровавленный и тяжело дышащий, схватил с вешалки плащ и рывком вытолкнул своего товарища из квартиры.

Кошкин, шатаясь, опёрся о стену, чувствуя, как по лицу стекает кровь. В квартире воцарилась тишина, прерываемая лишь сбитым дыханием Кошкина и рыданиями Светланы.

Спустя время, вызванная Светланой милиция, увела избитых, но так и не представившихся людей в серых костюмах. После этого случая, Кошкин, будучи офицером, начал собственное расследование, желая выяснить правду о смерти своего друга, Андрея. Он верил, что за этой историей кроется нечто большее, чем просто финансовые махинации. Он понимал, что столкнулся с системой, которая готова уничтожить любого, кто встанет у неё на пути. И Михаил был готов бороться до конца, чтобы узнать правду, какой бы горькой она ни была. Он знал, что это будет долгий и опасный путь, но он был готов пройти его, чтобы почтить память Андрея и защитить Светлану.

Первым делом, Михаил, принёс свои извинения за беспорядок в квартире. Жена друга лишь молча кивнула, обнимая и прижимаясь к нему. Дальше, Кошкин, собрав остатки сил, принялся за дело. Он решил, что первым делом, нужно допросить тех нападавших.

Связав и оттащив этих двоих в подсобку, он начал свой допрос, используя все свои навыки и знания. Он был полон решимости узнать правду, и ничто не могло остановить его.

— Итак, товарищи... эээ... Петров и Сидоров, как вы заявляете. Вы оба утверждаете, что являетесь сотрудниками КГБ, и прибыли в Ленинград из Москвы по личному распоряжению товарища Андропова. Верно?

Петров, худощавый мужчина с нервным тиком, кивнул. Сидоров, массивный и молчаливый, последовал его примеру.

Кошкин, следовательно с пронизательным взглядом, облокотился на стол.

— И цель вашей командировки?

— Наблюдение за возможными связями с иностранной разведкой, — пробормотал Петров.

— Интересно. У покойного Волкова Андрея Петровича?

Сидоров хмыкнул.

— Волков представлял интерес. Даже после смерти.

Кошкин медленно поднял бровь.

— В самом деле? Какого рода интерес? Он был следователем Ленинградской прокуратуры, имеющим доступ к секретной информации.

Петров заёрзал на стуле.

— Мы... мы проверяли версию о тайных... зарубежных активах.

Кошкин усмехнулся.

— Активы? У следователя? Вы охотились за ним, товарищи?

Сидоров вдруг выпрямился.

— Мы выполняли приказ!

Кошкин барабанил пальцами по столу.

— Приказ? От кого именно? И почему этот приказ не прошёл через Ленинградское управление КГБ? Вы знаете, что ваше присутствие здесь, без моей санкции, является нарушением протокола?

Лицо Петрова вдруг покрылось потом.

— Здесь произошла ошибка. Мы... мы можем всё объяснить.

— Боюсь, уже поздно объяснять, товарищи. Боюсь, вы объяснитесь с другими людьми. Более компетентными. И, возможно, говорящими на другом языке, — Кошкин покачал головой.

В этот момент, когда напряжение достигло предела, когда в воздухе запахло предательством и разоблачением, что-то произошло. Петров вдруг закашлялся, резко и судорожно, схватившись за горло. Из его рта вылетел небольшой металлический предмет, блеснувший в тусклом свете лампы. Он упал на стол с глухим стуком, и Петров, тяжело дыша, заговорил. Голос его был чужим, искажённым, с отчётливым американским акцентом:

— Так, вот, сэр, вы нас поймали. Да, мы не Петров и Сидоров, мы — агенты американской разведки: Смит и Джексон, — сказал агент Смит.

Кошкин, в шоке от произошедшего, быстро взял себя в руки. Он понял, что перед ним не просто агенты КГБ, а хорошо подготовленные шпионы, внедрившиеся в систему. Сидоров, оставшийся немым свидетелем происходящего, мгновенно среагировал, попытавшись схватить оружие, но Кошкин был быстрее. Выхватив пистолет из ящика стола, он приказал:

— Стоять! Не двигаться! Вы арестованы! — в этот момент в квартиру ворвались несколько крепких мужчин в штатском, они быстро скрутили Сидорова и обезоружили, заставив обоих лечь на пол. Операция, казалось бы, завершилась успешно, но Кошкин знал — это только начало.

Доставив пленников в прокуратуру, Кошкин получил приказ немедленно явиться к Генеральному прокурору СССР — полковнику Завьялову Семену Семеновичу. Сердце его учащенно забилось, предчувствуя надвигающуюся бурю. Кабинет Завьялова, как всегда, был окутан дымом от сигар, а его суровый взгляд говорил о том, что предстоит сложный разговор.

— Михаил Сергеевич, заходите. Как я понимаю, вам удалось поймать американских шпионов? — спросил Завьялов, его голос гудел в дымной комнате.

Кошкин нервно кивнул.

— Так точно, товарищ полковник. Агенты Смит и Джексон, внедрённые в наши ряды. Сейчас они дают показания.

Завьялов кивнул, поднося сигару к губам.

— Что ж, это серьёзное дело, Михаил Сергеевич. Но помните, каждый шпион — это лишь звено в более крупной цепи. Нам нужно знать, кто стоит за ними, какие цели они преследуют, и, самое главное, кто им помогал внутри страны.

Кошкин понимал всю сложность предстоящей работы. Он должен был не просто арестовать шпионов, но и раскрыть всю шпионскую сеть, найти предателей и предотвратить возможные диверсии. Его ждала долгая и опасная работа, но он был готов. Он был следователем КГБ, и его долг — защищать свою Родину от врагов, как внешних, так и внутренних.

Кошкин, выйдя из кабинета полковника Завьялова, направился в комнату дознания, где проходил допрос агентов Смита и Джексона, который проводил капитан Ленинградской прокуратуры Смирнов Евгений Михайлович. Здесь в воздухе витал затхлый запах старых бумаг, дешёвого табака и тревоги.

За столом, освещённый настольной лампой с зелёным абажуром, восседал сам капитан. Его лицо, изрезанное морщинами усталости и бессонных ночей, выражало смесь решимости и озабоченности. Он изучал двух задержанных, расположившихся напротив.

Смит и Джексон, агенты американской разведки, выглядели подавленно. Их лоск и уверенность, обычно присущие представителям западной элиты, словно испарились под пристальным взглядом Смирнова и атмосферой казённого учреждения. Смит, высокий блондин с аристократическими чертами лица, нервно перебирал пальцами, в то время как Джексон, крепкий мужчина с короткой стрижкой, старался сохранять непроницаемое выражение лица.

На столе перед каждым из них лежали папки с документами и фотографии, запечатлевшие их тайные операции на территории СССР. Доказательства были неопровержимы. Игра окончена. Вопрос заключался лишь в том, как далеко они готовы зайти, чтобы избежать

последствий. Смирнов сделал первую затяжку сигареты «Беломорканал», выпуская струйку дыма, и начал допрос.

Именно в этот момент, когда напряжение достигло своего апогея, в комнату вошёл Кошкин. Он взглянул на происходящее, оценив обстановку одним взглядом, и направился к Смирнову.

— Жень, иди, перекури, я сам продолжу допрос, — сказал Кошкин, его голос был спокойным и уверенным, как и всегда.

Смирнов, выдохнув клуб дыма, посмотрел на Кошкина с лёгким облегчением. Он знал, что Кошкин был более хладнокровным и опытным, и ему удастся выбить из американских агентов больше информации.

— Хорошо, Миш, эти американские шпионы — твои. Только смотри, не убей их, — ответил Смирнов, держа во рту зажжённую сигарету, кивнул и направился к выходу. Он знал, что Кошкин справится.

Допрос перешёл в другие руки, в руки человека, который, казалось, понимал психологию врага лучше, чем кто-либо другой.

Кошкин занял место Смирнова, сев напротив Смита и Джексона. Он посмотрел на них, его взгляд был острым, как лезвие. Он знал, что для достижения цели необходимо соблюдать баланс между жесткостью и хитростью.

— Итак, господа, — начал он, его голос был тихим и ровным. — Ваша игра окончена. Теперь мы будем играть по нашим правилам.

Смит и Джексон переглянулись, в их глазах читались страх и понимание. Кошкин начал допрос, задавая вопросы, которые заставили агентов раскрыть свои секреты, рассказать о своих операциях и о тех, кто стоял за ними.

Смит и Джексон старались держаться. Они отвечали на вопросы уклончиво, не выдавая ничего лишнего. Они знали, что им нужно выстоять, иначе их ожидает худшее. Но Кошкин был опытным игроком. Он мастерски манипулировал, менял тактику, переходил от мягкого убеждения к жёсткому давлению. Он задавал вопросы, которые вынуждали агентов раскрывать свои секреты, рассказывать о своих операциях и о тех, кто стоял за ними. Он постепенно приближался к истине, выуживая из них крупницы информации, которые складывались в общую картину.

По мере того, как допрос продолжался, напряжение в комнате нарастало. Смит начал потеть, его лицо покрылось испариной. Джексон сжал кулаки, его глаза налились кровью. Они чувствовали, как ломается их воля, как под натиском Кошкина рушится их оборона. Они понимали, что их миссия провалена, что они попали в ловушку, из которой нет выхода.

Кошкин, видя, что его методы психологического давления приносят плоды, перешёл к завершающей фазе. Он понимал, что прямые ответы от американских шпионов он не получит, их учили этому. Но он также знал, что страх — эффективный инструмент. И вот, собрав всю свою волю и выдержку, он произнёс слова, которые должны были сломить последних защитников:

— Ну что ж, раз вы не хотите выдать цель прибытия в Ленинград... Нам ничего не остаётся, кроме как депортировать вас обратно в Соединённые Штаты. Кстати, что вас ждёт в Америке, если ваше правительство узнает, что вы провалили задание?"

Смит и Джексон замерли. Их лица выражали ужас. Депортация означала провал миссии, позор и, возможно, смертный приговор. Возвращение в Америку с проваленным заданием означало бы, что их собственные спецслужбы будут пытаться узнать, что же именно провалилось, и как. Они поняли, что Кошкин выиграл эту игру. Теперь им оставалось только решить, насколько они готовы заплатить за это поражение.

Смит первым не выдержал напряжения. Он был молод, полон амбиций, и перспектива столь сокрушительного краха казалась ему невыносимой. Его плечи дрожали, взгляд устремился в пол. Он тяжело вздохнул, с трудом подбирая слова.

— Мы должны были... — начал он, его голос сорвался от волнения.

— «Мы должны были» — что, агент Смит? Продолжайте. Неужели вы хотите, чтобы вас депортировали? Неужели вы хотите, чтобы ваше имя было очернено навсегда? — раздался властный, спокойный голос Кошкина.

Его лицо, скрытое в тени, оставалось невозмутимым. Он словно наслаждался моментом, смакуя свою победу.

— Нет, сэр, нет. Мы должны были... — Смит поднял голову, пытаясь собраться с силами. Он понимал, что ему нужно перебороть страх, чтобы спасти хотя бы остатки своей репутации, если это ещё возможно. Он был загнан в угол, и теперь ему предстояло сделать свой последний ход.

Рядом, сохраняя внешнее спокойствие, сидел агент Джексон, его напарник, поддерживая его присутствием, хотя и он чувствовал, как почва уходит из-под ног.

— Мы должны были найти и обезвредить вашего короля ковров. Поскольку он породил опаснейшую женщину, как и для вас, так и для Америки, — с трудом выдохнул Смит. Его голос дрожал, но в глазах читалась решимость. Он знал, что именно от этого откровения зависит его будущее. — Поймите, сэр Кошкин, эта леди будет представлять угрозу и для вас, и для нас, именно по этой причине наше правительство и пошло на такой отчаянный и очень рискованный ход, — дополнил Джексон, пытаясь убедить Кошкина в серьёзности ситуации.

Кошкин выдержал паузу, его взгляд, казалось, пронзал насквозь.

— Ну, хорошо, допустим, я вам поверил, а имя этой особы вы уже знаете, или думали выяснить, воспользовавшись вашей легендой? — спросил уже неуверенным голосом Кошкин. Он понимал, что информация, которую ему пытаются преподнести, может быть ключом к решению многих проблем.

Смит медленно покачал головой.

— Нет, сэр Кошкин, нам её имя неизвестно, — ответил он, его голос был тихим, но твёрдым. Он понимал, что раскрытие этой информации — ключ к его спасению, но также и к большей опасности. — Наше правительство... — хотел было продолжить Джексон, но тут раздался выстрел, пронзивший тишину. Пуля настигла арестованного. Смерть наступила мгновенно.

Кошкин резко скомандовал:

— Ложись! — и повалив агента Смита, они бросились на пол. Вскоре в комнату вбежали другие следователи прокуратуры, во главе с Завьяловым.

Комната погрузилась в хаос, паника охватывала каждого присутствующего. Запах пороха заполнил воздух, создавая атмосферу напряжённости и страха. Агент Смит, лёжа на полу рядом с телом своего напарника, чувствовал холод металла пистолета, прижатый к своей спине. Сердце бешено колотилось, адреналин бурлил в крови, каждый миг мог стать последним.

Завьялов быстро оценил ситуацию, отдавая чёткие команды своим подчинённым:

— Окружить помещение, проверить всех выходы!

Следователи действовали профессионально, проверяя каждую дверь и окно, возвращая контроль над ситуацией. Взгляд Кошкина оставался сосредоточенным и жёстким, словно гранитный монолит, противостоящий волне паники.

— Кто стрелял?! — прорычал он сквозь зубы, обращаясь к остальным сотрудникам. Но никто не отвечал, лишь тяжёлое дыхание нарушало гробовую тишину комнаты.

Тем временем, завеса тайны вокруг таинственной женщины становилась всё плотнее. Имя её оставалось неизвестным, однако её влияние ощущалось даже теперь, когда одна пуля оборвала жизнь опытного агента. Страх перед неизведанным окутывал агентов, усиливая чувство неопределённости и уязвимости.

Следствие началось незамедлительно. Следователи обследовали тело Джексона, извлекая пулю и фиксируя любые улики. Экспертиза показала, что оружие было отечественного производства, однако серийный номер — отсутствовал. Это означало одно — стрелок имел доступ к специальным ресурсам, возможно, к правительственным структурам.

Собравшись вместе, Кошкин, Смит и Завьялов начали обсуждение дальнейших действий. Необходимо было выявить личность преступника и предотвратить возможные угрозы. Однако неясность относительно имени женщины осложняла дело. Они понимали, что тайна этой дамы должна быть раскрыта немедленно, иначе последствия могли оказаться катастрофическими.

Прошло два часа. Команда следственных органов собралась вновь. Допросы свидетелей дали минимальную информацию, отпечатков пальцев обнаружено не было. Тело Джексона отправили на вскрытие, надеясь обнаружить другие улики. Между тем, напряжение нарастало, каждый ожидал удара противника, предчувствуя подвоха.

Наконец, поступило сообщение от криминалистической лаборатории. Эксперты обнаружили крошечный фрагмент ткани на месте преступления, принадлежащий неизвестному лицу. Анализ ДНК подтвердил, что ткань принадлежит женщине. Теперь стало ясно, что таинственная женщина действительно существует, и она явно замечает следы своего кровавого присутствия.

Глава 5: Невидимый гость...

— Она существует, — прошептал Кошкин, поднимая обронённую сигарету. — Она действительно существует, и она явно замечает следы.

Осознание этого факта всколыхнуло команду. Теперь у них была зацепка, ниточка, которая могла бы вывести их к истине. Тень в лабиринте, ранее неопределённая, обрела очертания женщины, оставившей за собой кровавый след.

Кошкин возглавил работу над составлением психологического портрета преступницы. Он копался в архивах, изучал похожие дела, пытался понять мотивы женщины. Смит, с присущей ему хваткой, начал искать связи, выстраивать сети, пытаясь выяснить, кто мог быть союзником этой загадочной женщины, и помочь ей в осуществлении её зловещего плана. Завьялов, словно молодой охотничий пёс, носился по городу, опрашивая свидетелей, собирая любую информацию, которая могла бы помочь им в расследовании.

Дни превращались в недели. Следователи изучали базы данных, просматривали видеозаписи с камер наблюдения, опрашивали всё окружение Джексона. Казалось, они были близки к

разгадке, но всё время ускользали. Ответ на вопрос «Кто она?» — всё ещё оставался загадкой. Они пытались понять её мотивы. Мечь? Деньги? Или что-то более личное?

Кошкин, утомлённый, но не сломленный, сидел в своём кабинете, вглядываясь в профиль женщины, который он пытался воссоздать. Он курил одну сигарету за другой, пытаясь представить её себе, понять её образ мышления. Смит, тем временем, работал над финансовыми отчётами Джексона, надеясь обнаружить связь между ним и преступницей. Завьялов, как всегда, был в гуще событий, он смог получить информацию о таинственном человеке, которого Джексон именовал «Королём Ковров» — личностью, окружённой тайной и подозрениями.

Время шло, но успехов в расследовании не было, они даже не могли понять, найти ответ на вопрос: «Кто он вообще такой, этот Король Ковров? — Завьялов был в отчаянии. Казалось, тьма окутала дело, и каждая новая зацепка лишь уводила их в ещё более запутанный лабиринт.

В один из холодных вечеров, когда Кошкин уже отчаялся, дверь в кабинет открылась, это был Завьялов.

— Товарищ капитан, здравствуйте!

Завьялов, мужчина внушительного вида, средних лет, широкоплечий, вошёл в кабинет Кошкина. Его лицо выражало серьёзность и сосредоточенность. Волосы аккуратно зачёсаны назад, глаза уставшие, но внимательные.

Капитан Кошкин сидел за столом, заваленным бумагами. Взгляд немного растерянный, видно было, что он устал от бумажной волокиты последних дней.

— Семён Семёнович, заходите... Присаживайтесь, пожалуйста... — Кошкин указал рукой на стул напротив своего стола.

Завьялов сел, выложив папку с делами перед собой.

— Ну, рассказывайте, товарищ полковник, зачем пришли?

Завьялов тяжело вздохнул, почёсывая подбородок:

— Михаил Сергеевич, дело такое... Знаете ли, ведь, какая ситуация нынче творится в государстве нашем... Надо бы поговорить серьёзно о делах наших служебных, да и о людях наших хороших... Особенно о тех, кто вот-вот перейдёт черту дозволенного...

Кошкин слегка напрягся, услышав такие тревожные слова.

— Вы имеете в виду, конкретные случаи нарушений закона?

— Именно так, именно так... Есть информация, беспокоящая меня лично, и нашу службу, вообще... Понимаете, обстановка непростая, товарищи волнуются, народ сомневается... Важно понимать: мы-то с вами знаем, как важна работа наша. Но важно также осознавать меру ответственности каждого из нас... Видел недавно вашего коллегу, Петрова, вроде, фамилия... Кажется, начал склоняться в сторону сомнительных связей... Или слухи лишь ходят пустые?

Кошкин нахмурился, нервно теребя ручку.

— Да такие разговоры были... Но пока ни конкретных фактов, ни доказательств — никаких нет...

Завьялов понимающе кивнул:

— Вот видите, товарищ капитан... А тут ещё этот случай недавний... Помните историю с теми двумя задержанными студентами? Подозрения были большие, дела велись долго... Но ведь отпустили же всех, почти сразу...

— Это следствие специфики ситуации, Семён Семёнович... Просто ошиблись немного тогда...

— Ошиблись?! Ошибаемся, значит, товарищ капитан? Сколько ошибок мы можем себе позволить допустить? Времена тяжёлые настали, каждый промах — чреват большими последствиями... Тут уж надо действовать осмотрительно, точно и быстро...

Кошкин посмотрел прямо в глаза полковника:

— Что предлагаете сделать, конкретно?

— Прежде всего, держать руку на пульсе постоянно... Следить внимательно за коллегами нашими ближайшими... Может, стоило бы ужесточить контроль внутренний... Чтобы знали все: любая попытка выйти за рамки законности — карается жестоко и незамедлительно...

Кошкин задумался, покусывая губу.

— Ясно... Буду иметь в виду ваши рекомендации, товарищ полковник... Спасибо вам за внимание к нашему общему делу...

Завьялов встал медленно, протягивая руку капитану:

— Всегда рад помочь, Михаил Сергеевич... Держитесь крепче, времена трудные идут впереди... И, Михаил, тебе лучшего всего сейчас закончить расследование, на сегодня, а то ты и так пережил страшное... смерть своего друга, Волкова Андрея Петровича... А то это потеря сломала тебя, это видно, поверь человеку, который видел похожее.

Вскоре Завьялов покинул кабинет Кошкина, напоследок пожелав ему «Доброго и спокойного вечера» и, закрыв дверь, ушёл домой. Оставив Кошкина наедине со своими мыслями и с тенями, которые уже начали заполнять его кабинет.

После ухода полковника Кошкин остался один. Он сел обратно за стол и посмотрел на него. Перед ним лежали материалы дела о смерти Волкова. Дело, которое нужно было закончить, во что бы то ни стало. Он знал, что в этой запутанной истории скрывается правда, и он должен найти её. Даже если это означало, что ему придётся столкнуться лицом к лицу с теми, кто скрывался в тени.

Кошкин достал из ящика стола пачку сигарет и закурил. Дым клубился в воздухе, растворяя часть его тревог. Он знал, что ему предстоит долгая и опасная ночь. Но он был готов. Он был готов сражаться с тенями.

Кошкин откинулся на спинку кресла, позволяя дыму застлать реальность. Он вспомнил, как они познакомились.

1978 год, юридический факультет Ленинградского государственного университета. Юные, полные надежд, они сидели за одной партией, спорили о справедливости, о будущем, о том, как служить родине. Андрей, старше Кошкина на пять лет, уже успел отслужить в армии, был более рассудительным, опытным. Именно он стал для Михаила примером, тем человеком, который показал, что значит быть настоящим следователем.

— «Помни, Миша», — часто говорил Волков, — «главное — не спешить. Слушай, думай, анализируй. И всегда оставайся человеком».

Эти слова врезались в память Кошкина, стали его жизненным ориентиром. Андрей научил за сухими фактами жизни видеть людей — их страхи, их надежды. Он учил его понимать мотивацию, искать истину, даже если она была болезненной.

Воспоминания нахлынули волной. Они вместе расследовали самые сложные дела: хищения, убийства, политические интриги. Андрей всегда был рядом, поддерживал, направлял. Он был как скала, на которую можно опереться в трудную минуту. Кошкин помнил их бесконечные ночные дебаты, когда они, уставшие, но вдохновлённые, обсуждали ход расследования, строили версии, анализировали улики. Волков был мастером своего дела, его интуиция была феноменальна. Он видел то, что ускользало от других, соотносил несоотносимое, находил ответы там, где другие опускали руки.

И вот, Андрей ушёл. Сердце, не выдержавшее груза последних лет, остановилось. Кошкин остался один, в этом кабинете, пропитанном дымом и воспоминаниями. Он чувствовал себя осиротевшим, опустошённым. Смерть Волкова стала для него невозполнимой утратой, сломавшей его. Наплыв воспоминаний был очень силён, Кошкин не мог пока принять тот факт, что его лучший друг и напарник, покоится в сырой земле.

Он подошёл к окну, взглянул на ночной Ленинград, унылый и серый под луной. В его глазах стояли слёзы. Мимо проплывали знакомые здания, тускло освещённые фонарями. Он вспомнил, как они с Андреем, тогда ещё молодыми, мечтали о будущем, о заслуженном отдыхе, о тихой старости. Теперь всё это казалось далёкой, несбыточной мечтой.

Кошкин глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки. Нужно было продолжать жить, работать, расследовать. Он понимал, что должен найти в себе силы, чтобы смириться с потерей. Но как? Как жить дальше без Андрея, без его поддержки, без его мудрых советов? Как бороться с этим чувством одиночества, которое сжимало его сердце стальными тисками?

Он вспомнил их последнее дело, которое они так и не успели закончить. Сложное расследование, связанное с контрабандой, коррупцией и таинственной организацией, опутавшей город своими щупальцами. Андрей, как всегда, был полон энергии и решимости, его мозг работал с невероятной скоростью, он уже почти нашёл ключ к разгадке. Но смерть оборвала всё. Кошкин чувствовал, что должен закончить это дело, не только в память об Андрее, но и во имя справедливости.

Он надел своё пальто, выключил свет в кабинете и вышел на улицу. Ночной Ленинград встретил его холодом и ветром. Идя по пустынным улицам, Кошкин чувствовал себя потерянным, одиноким, покинутым. В его мыслях бушевала буря. Он думал о стране, о переменах, которые принесла с собой новая эпоха.

«Да, в войну люди были более сплочёнными, чем сейчас», — размышлял он, вспоминая рассказы Андрея о фронтовых буднях. — «Твои рассказы про всё, что сейчас в стране происходит, все они подтвердились, товарищ...»

Кошкин шёл, погружённый в свои мысли, пока не добрался до кладбища, где и похоронен Волков Андрей Петрович, его лучший друг.

Свинцовое ленинградское небо давило на плечи, словно предвещая неминуемый крах всего сущего. Май 1991-го дышал в спину морозом и безнадёжностью. Вход на кладбище зиял чёрной пропастью, огороженной покосившимся серым забором с проржавевшими прутьями. Скрипучая калитка, цепляясь за петли, отворяла проход в царство вечного покоя, где прошлое погребено под слоем жухлой листвы и мокрого снега.

Ноги Михаила Кошкина вязли в размокшей земле, каждый шаг отдавался эхом в стылой тишине. Ориентируясь по памяти, он пробирался между серыми плитами, на которых тускло проступали имена и даты. Холодный ветер трепал ворот его старого пальто, пронизывая до костей. Дыхание вырывалось белыми клубами пара, растворяясь в промозглом воздухе.

Вот и она — могила Андрея. Скромный гранитный памятник, на котором выбито молодое лицо с чуть заметной улыбкой. Кошкин остановился у подножия и смахнул с плиты остатки снега. На фотографии Андрей смотрел живо и беззаботно, словно смерть была всего лишь дурным сном.

Михаил опустил на одно колено, устало прислонившись к холодному камню. Тишина кладбища давила на него всей своей непомерной тяжестью. Он достал из кармана початую бутылку водки, откупорил её и, молча, плеснул немного на замёрзшую землю.

— За тебя, Андрюха... — прошептал он, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

Сидя у могилы своего друга, Михаил Кошкин принял ещё две стопки столичной водки, со словами:

— За тебя... За тебя, дружище.

Его глаза покраснели, но он сдерживал чувства. Он не хотел выглядеть слабым. Он хотел быть сильным, каким всегда был Андрей. Он хотел почтить его память, вспомнить всё хорошее, что было между ними. Он не хотел, чтобы Андрей ушёл навсегда. Но реальность была такова.

В это же время, в мрачных застенках Ленинградской прокуратуры, в одной из камер, происходили события, никак не связанные с горем Кошкина. Там, в камере, сидел Джек Смит,

агент американской разведки, попавший в ловушку. Он был здесь, чтобы расследовать смерть Андрея, но не знал, что его ждёт. Он знал, что попал в сложную игру, где ставки были высоки, а правила — неизвестны.

Вдруг в двери камеры открылось небольшое окошко. Джек насторожился, чувствуя неладное. Не успел он понять, что происходит, как через окошко выстрелил пистолет. Но это была не пуля, а специальный пистолет с пулей, заряженной транквилизатором. Пуля попала в правую руку Смита. Он почувствовал острую боль, а затем на него накатила волна сонливости. Джек Смит потерял сознание. Его тело безвольно обмякло на койке.

Вскоре дверь камеры открылась и внутрь вошёл явно женский силуэт, её лица не было видно в тени камеры. После чего дверь в камеру закрылась.

На следующее утро.

Кошкин Михаил Сергеевич проснулся с яркой и громкой болью в голове, словно кто-то всю ночь колотил в его виски маленьким молоточком. Голова гудела, перед глазами плыли мушки, а навязчивый звук, проникавший сквозь дремоту, никак не хотел утихать. Звонок. Настойчивый, назойливый, требующий внимания.

Михаил застонал, пытаясь нащупать рукой выключатель настольной лампы. Комната, хоть и знакомая до мелочей, казалась чужой. Сквозь полумрак проступали очертания старой советской квартиры: выцветшие обои с узором из крупных роз, массивный дубовый шкаф, на котором горкой лежали стопки книг, и потёртый ковёр, укрывавший большую часть пола.

Звонок не унимался. Он исходил от массивного, громоздкого телефона «Берёзка», стоявшего на тумбочке возле кровати. Аппарат, доставшийся Михаилу от деда, был гордостью дома — редкая модель, позволявшая звонить в другие города, минуя громоздкие телефонные станции и утомительные ожидания. Михаил с трудом поднялся, цепляясь за края кровати, и потянулся к телефону. Трубка была тяжёлой, холодной, словно отлитой из чугуна.

— Алло? — хриплым голосом произнёс Михаил, чувствуя, как боль в голове усиливается с каждым словом.

— «Михаил Сергеевич?» — раздался в трубке незнакомый, но и знакомый голос. Голос, который Михаил вроде бы слышал уже тысячу раз, но никак не мог вспомнить, кому он принадлежит.

— Да, это я. Кто говорит? — Михаил потёр висок, пытаясь сосредоточиться.

— «Это Дмитрий. Дмитрий Петрович. Дежурный нашего карцера, я вам звоню по приказу полковника Завьялова, у нас в карцере ночью произошло чрезвычайное происшествие», — сказал собеседник.

— Какое ещё происшествие там произошло? Опять, наверное, две-три крысы приняли за целую армию? — спросил невыспавшимся голосом Михаил Сергеевич.

Но тут абонент не успел дать ответ, как трубку у него вырвали из правой руки. И раздался голос самого Завьялова:

— «Алло, Михаил Сергеевич? Это Завьялов, у нас непредвиденная ситуация — агент американской разведки Джек Смит скончался этой ночью», — сказал мрачным и явно слегка злым голосом Завьялов.

— Что? Как это вообще произошло? — испуганно спросил Михаил Сергеевич.

— «Я сам пытаюсь разобраться, Михаил Сергеевич», — ответил полковник Завьялов, стараясь сохранять самообладание. — «Его нашли мёртвым утром, когда охранники пришли сменить караул. На теле — множественные следы от полученных травм, это очевидно даже невооруженным глазом... Но мы пока ждём заключения судмедэкспертизы».

Голос полковника звучал глухо, будто сквозь толщу воды. Михаил нахмурился, соображая, что могло произойти. Перед глазами всплыли воспоминания: агент Смит прибыл сюда

пару месяцев назад, считался важным источником информации, потенциально способным раскрыть планы американских спецслужб. Теперь же...

— А охрана? Камеры видеонаблюдения? — Михаил попытался собрать мысли в кучу.

— «Охрана утверждает, что ничего необычного не заметила, камеры тоже молчат», — продолжил Завьялов. — «Судя по всему, убийца действовал быстро и профессионально. Никаких следов взлома дверей, окна целы, замки исправны. Единственное, что бросается в глаза — следы крови повсюду и выраженное мучение на лице жертвы».

— Значит, убийцу пустили внутрь? Или кто-то внутри помог?

— «Мы проверяем всех сотрудников, никто не выходил и не входил прошлой ночью. Может, дело рук внутреннего предателя, Михаил Сергеевич? Хотя бы предположите мотивацию!»

— Хм... Возможно, внутренние разногласия среди агентов, попытка скрыть важную информацию или нежелание раскрывать секреты перед допросом. Нужно срочно проверить всех подозреваемых, организовать тщательное расследование, провести дознание на полиграфе...

Завьялов тяжело вздохнул на другом конце провода:

— «Миш, Смит был не просто убит, его, скорее всего, убили с особой жестокостью. Тебе надо приехать как можно скорее, ибо дело про него вёл ты — тебе и заканчивать начатое», — сказал низким и явно обеспокоенным происходящими событиями голосом полковник Завьялов.

— Тогда, начинаем действовать немедленно, товарищ полковник. Нам нельзя терять ни минуты. Если эта новость просочится наружу, последствия будут непредсказуемые. Подготовьте список всех причастных лиц, протокол осмотра места происшествия и выводы судмедэкспертизы. А я приеду в отдел через 15–20 минут, — доложил расстроенным голосом Кошкин Михаил Сергеевич.

После короткого разговора Кошкин резко вскочил с кровати. Оперативно заправив постель, он погрузился в водоворот мыслей: «Как именно, и кто смог убить Смита, находящегося в их карцере? Неужели здесь снова замешана та особа, что была на месте смерти таксиста?». Воспоминания о прошлом деле, связанном с таинственной женщиной, всплыли в памяти, нагоняя леденящий ужас.

Через пятнадцать минут Кошкин был уже на месте. Когда он только прибыл к прокуратуре, он увидел журналистов из газет, окруживших здание. Эта новость уже всплыла наружу, и ситуация осложнялась в геометрической прогрессии. Внутри царил хаос. Сотрудники бегали, словно муравьи в потревоженном муравейнике. Судмедэксперты осматривали место преступления, криминалисты собирали улики. Кошкина встретил Завьялов, его лицо выражало смесь гнева и отчаяния.

Михаил начал собирать информацию, опрашивать свидетелей, изучать документы. Первым делом — список всех, кто имел доступ к карцеру, где был убит Смит. Затем — протокол осмотра места происшествия. Его одолевали сомнения. Жестокость убийства, которая указывала на личную неприязнь, и отсутствие явных следов проникновения. Будто убийца знал все входы и выходы. И ещё — эти журналисты. Откуда они узнали? Кто мог проболтаться?

Он начал подозревать всех — от уборщицы до самого Завьялова. Каждый был потенциальным подозреваемым, каждый мог иметь мотив.

Он проверил записи камер видеонаблюдения, но всё было чисто. Никто не входил и не выходил. Он изучил финансовые отчёты, пытаясь найти связь между Смитом и кем-то из сотрудников. Но ничего. Дело зашло в тупик. Он вспомнил про ту особу, которая была на месте смерти таксиста. Возможно, это была какая-то ниточка. Он приказал найти все записи по этому делу. Он должен был найти хоть что-нибудь.

Неделя расследований пролетела одним днём. Кошкин спал по несколько часов, выкладывался на полную. Он допросил всех, но ответы были те же — никто ничего не видел, никто ничего не знал. Полиграф показывал, что все говорят правду.

Кошкин сидел в своём кабинете, глядя на фотографии с места преступления таксиста. Кровь, брызги, испуганное выражение лица таксиста, запечатлённое на последнем снимке. Внезапно его взгляд упал на одну деталь, когда он снова просматривал записи с камер видеонаблюдения. Охранники верхнего уровня, что находились в коридоре, где последний раз видели Смита, не сразу обратили внимание на странную гостью.

Она появилась в поле их зрения буквально на пару минут, но эти несколько минут были ключевыми. Кошкин заметил, что, когда женщина, одетая во всё красное, протягивала охранникам свои ненастоящие документы, под её рукой, в красной перчатке, блеснула татуировка лотоса на запястье. Яркий символ, скрывавший за собой гораздо больше, чем просто художественный рисунок.

Сердце следователя бешено колотилось. Женщина в красном. Лотос. Слишком много совпадений.

Кошкин молча откинулся на спину стула, размышляя над вопросом: «Как именно связано всё, что с ним произошло за последнее время, и как тут замешана эта “Девушка в красном”?».

Следующие дни стали чередой ночных расследований, допросов и поисков. Кошкин сузил круг подозреваемых, сосредотачиваясь на женщине в красном. Он узнал её имя — Ирина Вольская, загадочная фигура, связанная с различными организациями, от которых веяло опасностью. Он обнаружил её связь со Смитом и с убийством таксиста. Все нити вели к «Красному Лотосу».

Решив, что возможностей пока выяснить связь нет, Кошкин выключил свет и компьютер. Он взял пальто, надел головной убор, и взглянул на стол, за которым когда-то сидел Андрей Волков. Память о погибшем друге пульсировала в висках. Он погасил свет, вышел из кабинета, закрыл его и опечтал. На душе было тоскливо.

Ночной Ленинград встретил его прохладой и тишиной, нарушаемой лишь редким проездом автомобилей. Белые ночи в 1991 году были особенно тревожными, словно сама природа замерла в ожидании перемен. Кошкин шёл по опустевшим улицам, вдыхая свежий речной воздух. Он миновал Исаакиевский собор, величественно возвышавшийся над спящим городом. Его золотой купол, отражая бледный свет белой ночи, казался призрачным.

Затем свернул на набережную Невы. Река, спокойная и безмятежная, несла свои воды к Финскому заливу. Спокойствие воды успокаивало. Его мысли стали яснее. Он должен был понять, как связаны эти люди и что им нужно. Неужели смерть таксиста была просто способом убрать лишнего свидетеля?

По мере приближения к Дворцовой набережной, город словно оживал. Появлялись одинокие прохожие, спешащие по своим делам, раздавался приглушённый шум машин. Вдали показался разводной мост, словно распахнутые ворота в неизведанное. Кошкин остановился, любуясь этим завораживающим зрелищем. Белая ночь, величественный мост, тихий шёпот Невы — всё это создавало атмосферу загадочности и надежды. Он ощущал, как усталость отступает, уступая место лёгкому волнению и предчувствию чего-то нового.

Он сел на одну из лавочек, слушая, как шумят ветер и река. Будто они знали то, чего не знал Кошкин. Облокотившись на лавочку, он, закрыв глаза, погрузился в свои размышления, пытаясь сложить пазл всего произошедшего за последнее время.

И тут он вспомнил про смерть Павловича в пивном подвале.

ТОМ 2.

АЛЫЙ ПРИЗРАК ЧАСТЬ 1

Глава 6: Ключ без замка

Открыв глаза, Кошкин почувствовал прилив сил. Странное оцепенение, сковывавшее его с самого утра, отступило. Теперь в нём бурлила энергия, жажда действия. Он знал, что делать. Он должен вернуться в подвал, место, где нити клубка сплетались, место, где смерть Павловича и загадочная гибель таксиста нашли свои корни. Он должен найти свидетелей, заставить их заговорить, вытянуть правду из самых тёмных уголков их душ.

Он встал, выпрямился, хрустнув затёкшими суставами. Белые ночи Ленинграда, эти призрачные сумерки, пленявшие город своей красотой, были свидетелями многих тайн, но теперь Кошкин был готов раскрыть одну из них. Он ощущал груз ответственности, тяжесть долга, но и странное предвкушение, как перед опасной, но захватывающей игрой.

Улицы Ленинграда, освещённые мягким светом ночи, казались пустынными, лишь изредка проезжали автомобили. Кошкин шёл уверенной походкой, его шаги отдавались эхом в тишине. В его глазах горел огонь решимости, словно он уже знал ответы на все вопросы, знал, что найдёт правду. Он направлялся в сторону пивного подвала, места, где, по его ощущениям, скрывалась разгадка.

Пивнуха встретила его знакомым запахом пива и табака. Спёртый воздух, полумрак и гул голосов — всё это создавало атмосферу, полную секретов и недомолвок. Бармен, молодой мужчина, по-видимому, помнил Кошкина ещё со времён расследования смерти Павловича. Его лицо выдавало беспокойство, страх, словно он предчувствовал надвигающуюся бурю.

— Снова вы, Кошкин? — произнёс бармен, потирая руки. Голос его дрожал, выдавая нервозность.

— Да, налей, пожалуйста, товарищ, пива, Жигулёвского, — ответил Кошкин, внимательно изучая собеседника. Его взгляд был спокойным, но пронизывающим. Он знал, что в этом подвале, среди этих стен, скрывается ключ к разгадке. — Мне нужно поговорить. О Павловиче. И о таксисте. Они оба мертвы, их смерти казались связанными, но что связывало их на самом деле?

Бармен медлил, будто взвешивал каждое слово. Он оглянулся по сторонам, опасаясь, что его могут подслушивать. Лицо его выражало смятение, страх, и что-то ещё, чего Кошкин не мог сразу понять. После долгого молчания он, наконец, заговорил, шёпотом, наклоняясь ближе к Кошкину. Осторожно, будто стены тоже наострили уши.

— Вы... вы об этом не должны знать. Это опасно... Очень опасно, — его голос был едва различим слуху. Он словно задыхался от груза тайны, которую хранил.

— Я знаю, — спокойно ответил Кошкин. Он не собирался пугать бармена, он хотел получить ответы. — Но я должен узнать. Кто стоит за всем этим?

Бармен долго колебался, борясь с собственным страхом. В его глазах отражалась вся тяжесть тайны, которую он хранил. Наконец, сдавшись, он выдал:

— Есть... есть один человек. Клык. Он... он был старинным другом Павловича. Клык также владелец автомастерского гаража, где работал ваш погибший таксист, — бармен Васька говорил настороженно. — Он опасен, Кошкин, очень опасен.

Кошкин сделал глоток пива, его взгляд был сосредоточен. Он чувствовал, что этот Клык — важная фигура.

— Скажите, товарищ, вам известно, где именно находится этот гараж Клыка? — спросил Кошкин, глотнув немного пива.

Каждая деталь была важна, каждый шаг приближал его к правде.

— Мне неизвестно, какой именно там гараж, но я знаю, что, он расположен в гаражном корпоративе «Черноводье». Это то единственное, что мне известно, товарищ Кошкин. — Васька, выдав информацию, выразил лицом облегчение, словно камень упал с его души.

Слова бармена открывали перед Кошкиным новые горизонты. «Черноводье». Это было отправной точкой. Кошкин поблагодарил бармена, оставил деньги на столе и вышел из подвала, окунувшись в прохладный вечерний воздух. Мысли его были заняты Клыком, Павловичем, таксистом, и корпоративом «Черноводье». Он чувствовал, что приближается к разгадке, что истина находится где-то рядом, в тени.

Кошкин направился к выходу, чувствуя на себе взгляд бармена, полный страха и предостережений. Он знал, что его ждёт опасное расследование, но он был готов рискнуть. Правда — всегда стоила того.

По прибытии в гаражный кооператив Кошкин обнаружил мрачную картину. Ржавые ворота, тусклый свет фонарей и запах бензина, который смешивался с запахом сырости. Он нашёл гараж Клыка, большой, выделяющийся на фоне остальных. Двери были закрыты, но в щель пробивался тусклый свет.

Кошкин постучал. Но тут дверь сама открылась со скрипом. Взгляд Кошкина упёрся в разгром, царивший внутри. Всё было перевёрнуто вверх дном, будто здесь недавно бушевала буря. К стене, напротив входа, был прибит ножом Клык. Это был мускулистый мужчина, с широко раскрытыми глазами, которые, казалось, всё ещё видели ужас произошедшего. Нож торчал в правой части груди.

Кошкин, моментально оценив обстановку, спрятал пистолет в кобуру. Он знал, что это не просто убийство, это послание. Предупреждение. Он подбежал к Клыку, опустился на колени. Его руки заскользили по окровавленной груди, прощупывая пульс. Он приложил пальцы к шее, стараясь уловить хоть какой-то ритм. И, к своему удивлению, он почувствовал слабое, но уверенное биение. Клык был жив.

«Он выжил», — пронеслось в голове у Кошкина. — «Кто-то намеренно оставил его в живых».

Вопрос заключался в том, кто и зачем? Кошкин осторожно осмотрел место происшествия, пытаясь собрать воедино все улики. Он увидел следы борьбы, смятую одежду, разбитую лампу. Но ничто не указывало на личность нападавшего.

Неожиданно Кошкин услышал слабый стон. Он вернулся к Клыку. Тот пытался что-то сказать, его губы шевелились, но из них вырывались лишь хриплые звуки:

— Это... Это мечь «Леди в красном» ... мы виновны, она так сказала...

— Успокойтесь, вы потеряли достаточно много крови, товарищ, вам надо успокоиться, — сказал Кошкин, стараясь говорить спокойно, чтобы не усугубить состояние Клыка.

Он быстро достал телефон и вызвал скорую помощь и полицию. Пока он ждал, решил продолжить осмотр гаража, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку.

Прибывшие медики быстро оказали первую помощь Клыку и забрали его. Полиция начала свою работу, опрашивая свидетелей и собирая улики. Кошкин остался, чтобы помочь расследованию, чувствуя, что это дело коснётся его лично. Он знал, что «Леди в красном» не остановится на Клыке. Его следующей целью мог быть и он сам.

Пока медики ждали окончания работы следственного комитета по Ленинграду, Кошкин стоял на улице, обдумывая, что именно имел в виду Клык, когда сказал: «Это мечь “Леди в

красном», мы виновны, она так сказала». Что они сделали? Какую ошибку совершили, чтобы привлечь гнев этой загадочной женщины?

Кошкин вспомнил все дела, которые они вели с Волковым, все их контакты, все их врагов. Ничего не всплывало в памяти. Он чувствовал, как медленно поднимается волна паники. «Леди в красном», она словно тень, готовая выскочить из темноты и нанести решающий удар.

В последующие дни расследование продвигалось медленно. Никаких прямых улик, никаких свидетелей, готовых говорить. «Леди в красном» словно растворилась в воздухе. Кошкин дневал и ночевал в архивах, изучая старые дела, связанные с Клыком, надеясь найти хоть какую-то зацепку. Он связался со своими информаторами в криминальном мире, но никто не знал ничего конкретного. Все боялись упоминать имя «Леди в красном».

Однажды ночью, получив анонимный звонок, Кошкин отправился в заброшенный особняк на окраине города. Особняк был старым, мрачным, с разбитыми окнами и полуразрушенным фасадом. Зайдя внутрь, он почувствовал запах сырости и запустения. В огромном зале, освещённом лунным светом, он увидел женщину в красном платье, стоящую спиной к нему. Её силуэт был загадочным, лицо скрыто в тени.

— Вы, Михаил Сергеевич, стойте, где стоите, — сказала таинственная «Леди в красном».

— Скажите мне, пожалуйста, зачем вы всё это устроили? — спросил Кошкин в ответ.

— Я лишь хочу отомстить за одно дело из прошлого, и прошу пока лишь вас не вмешиваться, мне бы не хотелось сделать вами то же самое, что сделала с Волковым Каролина.

— О чём вы? Что за Каролина? — продолжал расспрашивать Кошкин.

— Как много вопросов у того, у кого ответы в могиле, — хладнокровно подметила «Леди в красном». — Но, так уж и быть, мы с вами сыграем в одну игру.

— В игру? Вы что, реально думаете, что я буду играть с вами в игру?

— Так вы и не знаете, что игра уже началась, а правила просты: догнать меня и разгадать моё имя.

Через мгновение, бросив к его ногам газету, где было написано о череде загадочных смертей, она растворилась в воздухе. Осталась лишь тишина и запах пороха.

Кошкин достал свой верный пистолет и медленно направился к тому месту, где только что стояла эта женщина. Подойдя, он осветил фонариком, но там никого не было.

«Чёрт побери, она ушла. Молодец ты, Кошкин, упустил возможную ниточку, связывающую все произошедшие убийства в единое целое», — подумал он про себя, ругая за свою медлительность.

Он поднял газету и резко побледнел, когда увидел новость на первой странице

Кошкин сжал газету в руке, не понимая, как именно связано всё, что с ним произошло за последнее время. Череда убийств, призрак женщины, исчезновение улики — всё это складывалось в странную и пугающую мозаику. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Но ясно было одно — нужно было пойти к тому, кто мог бы прояснить, что происходит, а именно — к могиле Андрея Волкова. Может быть, там, среди теней и забвения, скрывалась правда.

Ночь была его союзником. Ему удалось добраться до цветочного магазина, которой, как ни странно, ещё работал. Кошкин, зайдя во внутрь, увидел девушку за кассой, которая буквально сразила его сердце, как и всегда. Как и каждый раз, когда видел её в отделении.

— Здравствуйте, товарищ Михаил. Приветствую вас в цветочной лавке «Алые розы», меня зовут Анна, чем я могу вам помочь?

— Добрый вечер, Анна. Помнишь, что можно без формальностей, когда ты работаешь здесь? Мне нужны две гвоздики, для возложения к могиле близкого друга.

— А, поняла, красные гвоздики? Прошу вас, товарищ, сюда, — продолжала держаться роли Анна, указывая рукой на прилавок с цветами.

В этот момент Кошкин почувствовал, что жизнь не так уж и безнадежна, в ней всё ещё есть место красоте и надежде. И, возможно, именно это поможет ему найти ответы на мучающие его вопросы.

Он купил гвоздики и, поблагодарив Анну, отправился на кладбище, навстречу своим страхам и тайнам прошлого.

Холодный ветер пронизывал старое кладбище, гоня по земле опавшие листья. Тёмные тучи, словно траурный покров, закрыли луну, погрузив это место в ещё большую тьму. Кошкин, детектив с усталыми глазами и глубокими шрамами на душе, стоял у могилы Андрея Волкова, своего близкого друга детства. Он возложил на гранитный надгробный камень две гвоздики, символ их угасшей дружбы и незажившей боли от недавней трагедии.

За годы работы Кошкин привык к смерти, но смерть друга, тем более такая загадочная, оставила в его сердце зияющую рану.

Он опустился на холодную скамейку, взгляд его блуждал по рядам могил. Казалось, надгробные плиты — это не просто камни, а врата в прошлое, хранящие свои тайны. Кошкин почувствовал, как будто он не один. Сквозь могильные плиты, словно сквозь тонкую завесу, за ним наблюдали умершие. Невидимые взгляды скользили по его спине, вызывая неприятное покалывание. Он знал, что тайна убийства кроется не только в символах и исчезнувших уликах, но и в прошлом, в котором переплелись судьбы, и которое он должен был разгадать.

«Чего именно хочет эта “Девушка в красном”?», — пронеслось в его голове. Он видел её несколько раз, мелькающую тенью на улице, в парке, у подъезда дома Андрея. Её загадочная улыбка и манящий взгляд заставляли кровь стыть в жилах. «Причём здесь символ Лотоса? Неужели, всё это игра, типа погони за маньяком? Ясно хоть одно — искать нужно девушку, а может, даже и женщину», — эти мысли крутились у Кошкина в голове, не давая покоя. Он чувствовал, что истина где-то рядом, но ускользала, как песок сквозь пальцы.

Внезапно, сидя на лавочке рядом с могилой близкого друга детства, Кошкин ощутил, что за ним наблюдают. Холодный пот проступил на его лбу. Неясно, кто и где наблюдающий, но чувство опасности нарастало с каждой секундой. Он медленно обернулся, но вокруг была лишь тьма и безмолвие. Только шелест листвы нарушал тишину. Кошкин вытащил из кармана телефон и набрал номер своего единственного союзника в этом деле, куда привели мысли — Анны, работницы цветочной лавки и, по совместительству, коллеги. Она, конечно же, ответила, с дрожащим голосом и спросила:

— «Алло, это... кто это?» — спросила Анна.

— Анна, мне нужна твоя помощь. Срочно. Я на кладбище... — в ответ сказал Кошкин по телефону. — Это Кошкин, я сегодня заходил за цветами для могилы друга. Добавил он в трубку.

Голос Анны дрогнул ещё сильнее:

— «О... Боже мой, Кошкин... Ты всё ещё там? Что случилось?»

Кошкин пытался говорить спокойно, несмотря на охватившую его панику:

— Анна, честно говоря, сам толком не знаю. Мне кажется, кто-то следит за мной. Но, самое странное, что никого нет поблизости. Даже фонари погасли...

Анна глубоко вздохнула:

— «Может, это просто нервы шалят? У тебя был тяжёлый день... Давай вернёмся завтра днём, вместе посмотрим, что тут не так».

Но Кошкин решительно покачал головой, хотя Анна не видела его жеста:

— Нет, Анна, дело серьёзное. Я чувствую опасность, настоящую угрозу. Здесь что-то неладное творится.

Она помолчала мгновение, собираясь с мыслями:

— «Хорошо, Кошкин, слушай меня внимательно. Оставайся на месте, никуда не уходи. Попробуй спрятаться среди надгробий, если сможешь. Я сейчас позвоню своим знакомым полицейским, кто патрулирует поблизости, и пусть срочно выезжают туда. Договорились?»

Кошкин кивнул, понимая, что другого выхода нет:

— Да, Анна, сделаю всё, как ты сказала. Спасибо тебе огромное. Жду твоего сигнала.

— «Держись, Кошкин, мы скоро будем. Обещаю».

И, положив трубку, Кошкин почувствовал себя немного спокойнее, зная, что Анна придёт на помощь. Однако ощущение чужого взгляда становилось всё настойчивее.

Кошкин, повинувшись инстинкту самосохранения, осторожно спустился с лавочки и начал медленно продвигаться между рядами надгробий. Он прижимался к холодным плитам, надеясь, что тьма скроет его от наблюдателя. Вдруг в отдалении он услышал тихий скрип. Сердце Кошкина замерло. Скрип повторился, и ему показалось, что он слышит чьи-то шаги. Он затаил дыхание, пытаясь понять, откуда доносится звук. Шаги приближались, становясь всё громче и громче. Кошкин почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он был уверен, что за ним идёт тот, кто наблюдал за ним.

Неожиданно в нескольких метрах от него, возникло слабое свечение. Кошкин вгляделся и увидел, что это был фонарик. Он был уверен, что это полиция. Но вдруг, свет фонарика резко погас, и Кошкин услышал, как кто-то тяжело дышит. Он почувствовал, как его охватывает паника. Шаги ускорились, и он понял, что его настигают. Кошкин бросился бежать, спотыкаясь о надгробия, падая и снова поднимаясь. Он чувствовал, как за ним кто-то гонится, как его преследуют. Его лёгкие горели от напряжения. Он бежал, не зная куда, только бы спастись.

В этот момент Кошкин услышал крики. Он увидел, как к нему бегут люди с включёнными фонарями. Это были полицейские. Кошкин остановился, обессиленный, переводя дыхание. Полицейские подбежали к нему, задавая вопросы. Он попытался объяснить, что произошло, но в голове у него была каша. Полицейские осмотрели территорию, но никого не нашли. Только следы на земле, которые свидетельствовали о борьбе.

Вскоре приехала Анна. Она бросилась к Кошкину, обнимая его. Кошкин рассказал ей всё, что произошло. Анна успокаивала его, говорила, что всё будет хорошо.

Но ни Михаил, и ни Анна не знали, что за всем происходящим наблюдала таинственная фигура, чей-то тёмный силуэт. А когда Михаила полицейские более-менее успокоили и погрузили в машину для выяснения некоторых деталей, силуэт, набрав вызов с контактом, названным лишь «Совет спасения», сказал:

— Ваше задание выполнено. Михаил Сергеевич, как и приказывали, пока отстранён.

В ответ, на другом конце, отозвались странным, почти мёртвым голосом:

— «Отлично, переходи к следующей фазе плана. И помни, ты нам обязана... ЖИЗНЬЮ».

На что отреагировали лишь:

— Поняла вас, приступаю ко второй фразе.

Кошкин, сидя в полицейской машине, чувствовал себя опустошённым. Он не понимал, что произошло, кто его преследовал, и какую роль он играет в этой загадочной игре. Анна, сидя рядом, держала его за руку, стараясь придать ему сил. Но в душе у обоих поселилось чувство тревоги, предчувствие чего-то большего, чего-то страшного, что вот-вот должно произойти. Старое кладбище молча хранило свои тайны, ожидая следующего хода... А в тишине ночи, в тени надгробий, уже строились новые планы.

Полицейский участок, куда доставили Кошкина, встретил их холодным, казённым видом. Серые стены, тусклое освещение, запах хлорки и несвежего табака — типичная атмосфера ленинградского отделения милиции 1991 года. После беглого протокола в общем зале, где голоса сотрудников звучали как монотонный гул усталой машины, старший лейтенант с выцветшими погонами жестом пригласил их пройти дальше.

— Пойдёмте ко мне. Здесь спокойнее, — его голос был не столько приветливым, сколько просто утомлённым.

Он провёл их по небольшому коридору, мимо закрытых дверей с потрескавшейся краской, и открыл одну из них. Кабинет, в который они вошли, был островком иного мира. Небольшое, но уединённое пространство. Воздух здесь был плотнее, пропахший не табаком, а старыми книгами, пылью и слабым, горьковатым ароматом чая. Напротив окна, за которым чернела спящая улица, стоял массивный деревянный стол, заваленный папками и документами. На стене — календарь с видами Ленинграда и портрет Горбачёва, уже не обязательный, но ещё не снятый.

Но главное, что сразу бросалось в глаза, контрастируя с казёнщиной всего участка, — старый персидский ковёр, покрывавший почти весь пол. Его краски — глубокий бордовый, индиго, охра и слоновая кость — поблекли от времени, но узоры, сложные и замысловатые, словно гипнотизирующие спирали и цветы, всё ещё хранили следы былой роскоши. Под ногами он был мягким и пружинистым, приглушая каждый шаг, делая тишину в комнате ещё более звонкой. На нём стояли два стула для посетителей — простые, венские, с протёртым тёмным лаком.

Старший лейтенант обошёл стол и устроился в своём кожаном кресле, скрипнувшем под его весом. Кошкин и Анна молча опустили на стулья. Слабый свет настольной лампы с зелёным абажуром выхватывал из полумрака лишь часть стола, лицо лейтенанта и кромку того самого ковра, где причудливые завитки казались сейчас лабиринтом без выхода.

— Садитесь, Михаил Сергеевич. Вы тоже, гражданка Смирнова, — кивнул он Анне. — У нас тут тихо. Можете говорить свободно.

Он достал блокнот и положил перед собой дешёвую шариковую ручку. Его взгляд, усталый, но цепкий, уставился на Кошкина.

— Вы говорили о тени и звуках. На кладбище. Попробуйте ещё раз, с самого начала. Не торопитесь.

Кошкин, чувствуя под ногами неожиданную мягкость ковра, а не холод линолеума, вздрогнул. Эта детальная обстановка, этот неестественный для милицейского участка уют, сбивала с толку. Анна, сидя рядом, снова взяла его руку. Её ладонь была холодной.

— Я... я не знаю, с чего начать, — голос Кошкина прозвучал хрипло. Он смотрел не на лейтенанта, а на замысловатый узор у своих ног, словно ища в нём разгадку. — Это было не... не по-человечески. Тень двигалась, неподчинение... не следуя законам физики. Она текла, как чёрная вода, между памятников...

Лейтенант не перебивал, лишь изредка оставляя пометки. Его лицо в пятне света оставалось непроницаемым.

— И звуки? — мягко спросил он.

— Шёпот. Множество голосов сразу. Но не слова... а так, будто ропот земли, — Кошкин закрыл глаза, пытаясь уловить ускользающее ощущение. — И холод. Пронизывающий, до костей. Не от ветра. От... этого.

— Вы считаете, это мог быть кто-то живой? Человек? Может, хулиганы? — в голосе лейтенанта не было ни тени насмешки, лишь профессиональная выверенность.

— Нет! — резко вырвалось у Кошкина, и он сам испугался своей горячности. — То есть... я не знаю. Но я чувствовал. Это была не угроза. Это было... внимание. Пристальное, тяжёлое. Словно меня изучали. А потом... страх. Чистый, животный. Я не трус, товарищ лейтенант, но я бежал. Бежал, не помня себя.

В кабинете повисла тишина. Только тикали настенные часы где-то в темноте за спиной лейтенанта. Анна сжала его руку сильнее.

Лейтенант отложил ручку, сложил руки на столе. Его взгляд скользнул по лицу Кошкина, потом Анны и на мгновение задержался на тёмном окне.

— Михаил Сергеевич, — заговорил он медленно, подбирая слова. — Видите ли, в нашем деле... мы часто сталкиваемся с двумя типами историй. С теми, что имеют логическое объяснение. И с теми, что его не имеют. Первые мы расследуем. Вторые... — он мотнул головой в сторону двери, за которой был общий зал. — Вторые мы кладём в долгий ящик. Потому что бумага и инструкции не понимают слов «тьма» и «шёпот земли».

Он тяжело вздохнул и вдруг потянулся к нижнему ящику стола. Достал не папку, а старую, потрёпанную тетрадь в клеёночной обложке.

— Но этот кабинет, — он обвёл рукой пространство, указав на ковёр, поглощавший звук. — Он не просто так. Здесь иногда говорят о вещах, для которых в общем зале нет места. Ваше кладбище... Старое Никольское? Оно не первый раз всплывает в... странных историях. Не в протоколах. В разговорах. В таких вот, — он постучал костяшками пальцев по тетради.

Кошкин почувствовал, как леденящая волна пробежала по спине.

— Что вы хотите сказать? — тихо спросила Анна, первой нарушив натянутую тишину.

— Я хочу сказать, что ваше «предчувствие бури», — лейтенант посмотрел прямо на Кошкина, и в его усталых глазах мелькнула искра чего-то, кроме усталости, — возможно, не просто метафора. Есть вещи, которым не нужен свет. Им нужна тьма и тишина, чтобы строить планы, — его взгляд снова упал на персидский ковёр, на его тёмные, запутанные узлы. — Как этот узор. Со стороны — просто красота. Но если смотреть слишком долго, начинаешь видеть в нём ловушки.

Он закрыл тетрадь и отодвинул её.

— Формально — дело будет заведено по факту хулиганских действий неустановленных лиц. Неофициально... — он посмотрел на них обоих, — будьте осторожнее. Не ходите там больше. Ночь — не ваше время теперь.

Дверь кабинета закрылась за ними, оставив лейтенанта одного в кольце света лампы.

Капитан юстиции Михаил Сергеевич и его помощница и коллега в стенах здания, Анна, вышли в коридор. Тяжёлая дубовая дверь с глухим стуком врезалась в косяк, отсекая их от тишины кабинета, где под абажуром остался лейтенант. В воздухе пахло старыми книгами, пылью и напряжённым молчанием только что законченного, но не давшего ответов допроса.

— Ничего, — тихо, сквозь зубы, произнесла Анна, поправляя прядь тёмных волос. Она не смотрела на Михаила, её взгляд был устремлён в туманное окно в конце коридора. — Ничего конкретного. Одни намёки и страх. Он боится даже здесь, в стенах милиции.

Михаил Сергеевич молча достал портсигар. Щёлкнула зажигалка, осветив на мгновение его резкие, усталые черты.

— Страх... Он тоже свидетель. Молчаливый, но красноречивый. Он нам всё рассказал, Анна. Только не словами. Тот, кто заставил его молчать о «Щёлковом пути», имеет над ним власть большую, чем наша. Большую, чем закон.

— Что это за путь, Михаил Сергеевич? Биржевая махинация? Контрабанда? — Анна повернулась к нему, в её глазах горел нетерпеливый, аналитический огонь, который он в ней ценил.

— Слишком поэтично для биржи. «Щёлоковый путь» ... Шёлк. Дорога. Что-то древнее, бархатное и опасное. И этот ковёр... — капитан задумался, выпустив струйку дыма. — Он там не просто так. Лейтенант на него смотрел, как за гипнотизированный. Будто ждал, что узоры сложатся в карту.

— Проверить его? — предложила Анна. — Историю ковра, откуда он в кабинете?

— Проверь. И эту бирку. «Щёлоковый ПУТЬ». Опечатка? Или нарочитая небрежность? Слишком бросается в глаза. Как стрелка на плане.

Они постояли в молчании. Из-за двери доносился лишь сдержанный скрип пера — лейтенант что-то дописывал в своей тетради. Михаил бросил окурочек и раздавил его каблуком.

— Я вернусь. Спрошу ещё об одном. О ковре. Ты — жди здесь.

— Михаил Сергеевич, стоит ли? Он и так на грани срыва.

— Именно поэтому. Сейчас он наиболее честен.

Не дожидаясь возражений, Михаил мягко надавил на ручку и снова вошёл в кабинет.

Лейтенант сидел, глядя на пустые стулья, стоявшие на причудливом ковре. Потом открыл тетрадь и медленно, старательным почерком, добавил несколько строк.

Лейтенант вздрогнул, услышав шаги. Его глаза, широко открытые в свете лампы, метнулись к капитану, а затем снова к узорам под ногами.

— Капитан? Вы забыли что-то?

— Да. Спросить, откуда в вашем кабинете такой диковинный ковёр. Персидский?

— Не знаю... Привезли после ремонта. Складское имущество, — голос лейтенанта дрогнул. Он закрыл тетрадь ладонью, будто пряча написанное.

Михаил медленно обошёл стол, его взгляд скользнул по тёмно-бордовым и иссиня-чёрным переплетениям. Ковёр действительно был старым, дорогим. И чужеродным в этом казённом интерьере. Он наклонился и отыскал маленькую тканевую бирку в углу.

«Щёлоковый ПУТЬ».

— Опечатка, — быстро сказал лейтенант, следя за каждым движением капитана. — Должно быть «щёлковый». Наверное, писали неразборчиво...

Но пока он рассматривал коврик и бирку, пытаюсь найти ещё хоть одну подсказку...

Михаил провёл пальцем по буквам. Краска не выцвела. Вышито старательно. Он поднял взгляд на дверь, на ту самую, за которой осталась Анна. И замер.

На тёмном дереве, на уровне чуть выше головы, появилась крошечная, ярко-алая точка. Она дрожала, будто живая. Как капелька свежей крови. Или прицельная метка...

Ледяная волна пробилась по спине. Инстинкт, отточенный войной и работой в органах, крикнул изнутри:

— Ложись! — заорал он, оборачиваясь к лейтенанту.

Но было поздно.

... Михаил увидел, что на двери появилась красная точка, а когда ручка двери повернулась, раздался выстрел.

Медленная, как в кошмаре, поворотная ручка. Щелчок. И резкий, оглушительный хлопок, разорвавший тишину кабинета. Не громкий, приглушённый — выстрел из оружия с глушителем.

Лейтенант дёрнулся всем телом, словно его ударили током в грудь. Его стул отъехал назад и врезался в стену. Удивлённый, почти детский взгляд на мгновение встретился с взглядом Михаила. Потом стекленеющие глаза устремились к причудливым узорам ковра, которые теперь должны были принять новый, жуткий рисунок.

... И лейтенант упал с раной, истекая кровью.

Он рухнул на пол беззвучно, мягко. Тёмное, почти чёрное пятно быстро расплзлось по его рубашке, впитываясь в ворс старого персидского ковра. Рука конвульсивно дёрнулась и смахнула со стола тетрадь. Она упала рядом, раскрытая, на странице, где старательным почерком были только что выведены последние в жизни слова. Теперь на них падали первые капли крови.

Дверь распахнулась. В проёме, окутанная дымком от выстрела, стояла Анна. Её лицо было белым как мел, глаза — огромными от ужаса. В одной руке она сжимала свой табельный «наган», в другой — окровавленный кухонный нож, выпавший из руки стрелявшего, которого уже не было. Он растворился в темноте коридора, как тень.

— Михаил! — её голос сорвался на шёпот.

Капитан, не отрывая взгляда от бездыханного тела лейтенанта, медленно поднялся с колен. Он подошёл к окну. За ним, в глубине ночи, над городом сгустились тучи, готовые раз-

разиться той самой бурей, предчувствие которой висело в воздухе, плотным и тяжёлым, как узоры на старом персидском ковре.

— «Щёлоковый путь», тихо, словно для себя, произнёс он. — Начало положено. И он только что стоил жизни нашему свидетелю.

Он повернулся к Анне, и в его глазах уже не было усталости. Только холодная, беспощадная решимость.

— Всё кончено. Начинается наша работа. Найти того, кто посмел стрелять в здании милиции. И нужно узнать, куда ведёт этот путь.

Крыша встретила их ледяным, пронизывающим ветром и могильной тишиной, нарушаемой лишь завыванием в вентиляционных трубах. Рассвет был ещё далёк, и в свете их фонарей, мир сузился до островка скользкой кровельной жести, гигантских, покрытых копотью кирпичных труб и спутанных проводов. Следов, кроме их собственных, не было. Ни окурков, ни обронённых предметов. Лишь роса на холодном металле да голубиный помёт.

— Ничего, — сквозь стиснутые зубы процедила Анна, осматривая парапет. — Как призрак.

Михаил медленно обходил периметр, луч его фонаря выхватывал из тьмы уродливые тени водостоков. Он почти уже решил, что убийца скрылся по внутренним чердачным лабиринтам, когда луч скользнул по стыку двух свинцовых листов покрытия у основания самой высокой трубы. Что-то тускло блеснуло, не как вода.

— Анна. Сюда.

Он наклонился и замер. В узкой щели, там, где свинец был смят и разодран временем, лежал ключ.

Это была не обычная вещь. Он был словно из прошлого века, тяжёлый, литой, почерневший от времени и непогоды. Но его форма заставляла сомневаться в здравом смысле. Это не был ключ от двери или сундука. Его борода представляла собой не набор зубцов, а изощрённый, симметричный лабиринт — концентрические круги с расходящимися лучами, между которыми змеились тончайшие прорези. Рукоять была увенчана не кольцом, а стилизованным солнцем с лицом, не то ангельским, не то демоническим, стёртым почти до неузнаваемости. На плоском теле ключа угадывались следы букв, но прочесть что-либо было невозможно. Он лежал в своей каменной щели, как артефакт из иного мира, холодный и безмолвный свидетель.

— Забыт? Оставлен намеренно? — шепнула Анна, не решаясь коснуться. Она была молода, но полна решимости распутать эту загадку.

Ветер, пронизывающий предрассветный воздух, трепал её волосы, но взгляд её был прикован к странному предмету.

— На таком ветру? Он бы тут не задержался, его бы сдуло, — отозвался Михаил, её напарник и наставник.

Михаил был человеком старой закалки, с пронизательными глазами, видевшими слишком многое, и руками, привыкшими к любым, даже самым неприятным находкам. Он натянул перчатку и осторожно извлёк находку.

Ключ был неожиданно тяжёл, будто сделан не просто из железа, а из чего-то плотнее. Когда Михаил повернул его в руке, солнечный лик на рукояти, казалось, на мгновение ожил, испуская едва уловимое, холодное сияние. Лабиринт на бородачке играл тенями, завораживая и отталкивая одновременно.

— Это не ключ. Это знак. Послание или вызов, — произнёс Михаил, его голос звучал глухо, словно эхо из прошлого.

Он поднял голову, окинул взглядом панораму спящего города, уже подёрнутого сизой предрассветной дымкой. Крыши были похожи на чёрные, застывшие волны бурного моря. Где-

то там, в этой каменной пучине, начинался Щёлоковый путь, серия необъяснимых исчезновений и странных происшествий, над которыми их отдел бился уже несколько месяцев.

Глава 7: Нежданная ниточка

И теперь, у них был лишь этот немой, чудовищно старый ключ, не открывавший, казалось, ни одной двери в этом мире, но способный, быть может, отпереть дверь в мир тьмы, уже протянувшей свою руку прямо в сердце их отдела.

Анна подошла ближе, её глаза внимательно изучали ключ.

— Щёлоковый путь... Мы искали закономерности, мотивы, следы. А получили... это. Похоже на древний ритуальный предмет, а не на улику.

— Всё, что ведёт к пониманию, может быть ключом, Анна. Даже если оно из другого века, — Михаил задумчиво погладил рукоять. — Этот город хранит множество тайн. И, похоже, мы столкнулись с самой древней из них. Я чувствую... что-то. То, что дремало веками, и теперь пробудилось.

Они стояли на краю старой, заброшенной набережной, где ветер гулял свободно, разнося запахи реки и сырости. Накануне вечером поступило очередное сообщение о пропавшем человеке — молодом историке, увлекавшемся городскими легендами. Его квартира была пуста, но на рабочем столе они нашли странный рисунок, напоминающий лабиринт, изображённый на бородке ключа. Этот рисунок и привёл их сюда, на это забытое место, где, по старым городским преданиям, некогда располагался тайный орден, поклонявшийся неведомым силам.

— Если этот ключ действительно связан со Щёлоковым путём, то он может быть не просто артефактом, но и инструментом. Инструментом, который используют те, кто за этим стоит, — предположила Анна, её голос дрожал от волнения и холода.

— Или, возможно, он был оставлен как предупреждение. Или как ориентир для тех, кто ищет правду, — возразил Михаил.

— Мы должны выяснить, куда он ведёт. Если он не открывает двери в нашем мире, значит, мы ищем не там.

Михаил посмотрел на город, который начинал пробуждаться. Первые лучи солнца пробивались сквозь облака, освещая вершины зданий. Но для них этот рассвет не предвещал ничего хорошего. Тьма, которую они начали ощущать, казалось, становилась всё плотнее. Это был не просто страх перед неизвестностью — это было предчувствие чего-то древнего и могущественного, пробудившегося из-за их действий. Холодный металл ключа, лежавший в ладони Михаила, казался живым, пульсирующим собственной, чуждой энергией.

— Работа началась, — повторил Михаил, сжимая в ладони ледяной металл. — И первая ниточка у нас в руках. Пусть и ведущая в прошлое. Нам предстоит узнать, что это за лабиринт, чьё солнце смотрит на нас с рукояти, и что значит этот вызов. И я не остановлюсь, пока не узнаю.

Анна кивнула, её решимость возросла. Она тоже чувствовала это — зов, исходящий от артефакта, обещающий раскрыть тайны, которые должны были остаться погребёнными. Они были археологами, учёными, привыкшими к логике и доказательствам. Но этот ключ разрушал все их представления о реальности. Его форма была странной, неевклидовой, линии изгибались под такими углами, которые, казалось, противоречили законам геометрии. Символы, выгравированные на нём, не принадлежали ни одной известной цивилизации.

— Ты прав, Миша, — проговорила Анна, её голос стал твёрже. — Если он не работает здесь, значит, мы исследуем не тот аспект. Что, если это ключ не к месту, а к времени? К эпохе, когда он был создан?

Михаил задумчиво посмотрел на символ солнца на рукояти. Оно было не похоже на привычное нам светило; скорее, это был глаз, наблюдающий из бездны.

— Лабиринт времени... Звучит, как научная фантастика, но с этим ключом всё возможно. Кошкин, ты как?

Кошкин, ещё недавно бледный и потрясённый, теперь выглядел более сосредоточенным. Он протёр очки, а его взгляд стал острым.

— Я... я в порядке. Случившееся было... из ряда вон. Но я понимаю, что это не просто находка. Это вызов. И если мы хотим выжить и понять, что произошло, мы должны принять его. Этот ключ, он, как будто... как будто они знали, что мы его найдём. Это всё одна игра... Значит, нам нужно понять, кто такие «Лотос», — пробормотал Михаил. — И почему они оставили это здесь. Или, может быть, они сами пришли сюда, чтобы оставить его. В любом случае, у нас есть отправная точка. Солнце на рукояти... Оно может быть картой. Картой к тому, кто или что стоит за этим.

Но также его разум терзали вопросы: «Кто такая эта “Девушка в красном”? И как она связана с Лотосом?».

В небольшой комнате для допросов сидели Анна и Михаил. Их отпустили из полиции, так как трасологическая экспертиза неопровержимо доказала, что выстрел, унёсший жизнь сотрудника прокуратуры, произошёл с предполагаемой крыши, а на спусковом крючке орудия нашли лишь мельчайшую ниточку красного цвета, не принадлежавшую ни одному из них.

Старший лейтенант Михаил Минович, как выяснилось, был не просто обычным полицейским. Перед уходом Михаил, в свою очередь, признался и показал своё удостоверение. Старший лейтенант, не растерявшись, вскочил и принял позу «смирно».

— Здравия желаю, товарищ капитан, старший лейтенант Минович. — После чего Михаил и Сергей крепко пожали руки. Михаил, уже собираясь уходить, вновь обратился к нему с серьёзным выражением лица.

— Мы, в прокуратуре, занимаемся этим делом, поскольку по вине этого... инцидента, был убит наш сотрудник. И поэтому, по этой самой причине, я прошу передать это дело и все собранные улики по нему в прокуратуру, для дальнейшего расследования.

На что старший лейтенант ответил согласием, но с оговоркой:

— Нужно разрешение начальника участка.

Вернувшись в свою просторную, но заставленную старинной мебелью квартиру, Михаил почувствовал, как усталость накатила с новой силой. Он машинально разделся и рухнул на кровать, его мысли крутились вокруг двух вещей: загадочного ключа, который он нашёл на крыше с Анной, и той самой красной ниточки. «Что она значила? Чья она? Как она оказалась на оружии?» — вопросы роились в голове, не давая покоя.

Ночью Михаилу Кошкину приснился сон. Станный, пронзительный, словно вырванный из глубины его собственной души. Кошкин видел себя на выпускной церемонии из Высшей следственной школы МООП МВД СССР. Он стоял в толпе своих сокурсников, но что-то было не так. Он видел молодого, совсем юного Андрея Волкова. Своего лучшего друга, погибшего не так давно. Андрей стоял там, живой, улыбающийся, словно не было ни времени, ни смерти. Ясно было одно: душа умершего друга пришла в его сон и принесла какое-то послание. Или просто прощание.

Михаил проснулся в холодном поту, сердце колотилось. Сон оставил после себя горькое послевкусие, но вместе с тем и странное чувство... облегчения? Или предостережения?

На следующий день, собрав всю свою волю, Михаил отправился к начальнику участка. Атмосфера в кабинете была накалена до предела. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь пыльные жалюзи, освещали скудную обстановку, где каждая вещь, казалось, была пропитана запахом старых бумаг и невысказанных тайн.

Разрешение на передачу дела было получено, но на лице начальника, полковника Иванова, читалось неприкрытое недовольство. Он явно не хотел отдавать столь громкое дело, дело,

которое могло принести звёздочки на погоны или, наоборот, обернуться скандалом. Но приказ есть приказ, и Иванов, сжав зубы, протянул Михаилу папку. Папка, которая теперь казалась тяжелее свинца, была набита документами, фотографиями и показаниями. Михаил снова посмотрел на красную ниточку, запечатанную в пакете. Она была слишком яркой, слишком вызывающей, чтобы остаться случайной деталью. Эта ниточка, найденная на месте преступления, на спусковом крючке, стала для него навязчивой идеей, символом нераскрытой загадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.